

Павел Нерлер

Слово и «ДЕЛО» Осипа Мандельштама

Книга доносов, допросов
и обвинительных заключений

Фамилия

Мандельштам

Имя

Отчество

Выписка из протокола

Много Сопровождения при Коллегии ОГПУ от 26.10.1934

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

Павел Нерлер

**Слово и «Дело» Осипа
Мандельштама. Книга
доносов, допросов и
обвинительных заключений**

«Автор»

2013

Нерлер П.

Слово и «Дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений / П. Нерлер — «Автор», 2013

Осип Мандельштам всегда был в достаточно напряженных отношениях с властями. Еще до революции за ним присматривала полиция, подозревая в нем возможное революционное бунтарство. Четырежды его арестовывали: дважды в 1920 г. (в Феодосии – врангелевцы и в Батуме – грузинские меньшевики), в третий раз ОГПУ в Москве в 1934 г. и в четвертый – НКВД в доме отдыха «Саматиха» в Мещере в 1938 г. Всем репрессиям против поэта, в том числе и неосуществившимся, посвящена эта книга. Она выстроена хронологически – в порядке развертывания репрессий или усилий по их преодолению (например, по реабилитации). Каждая глава имеет организационную привязку – к конкретному карательному или иному органу, осуществлявшему репрессию или реабилитацию. Каждая содержит в себе текстовую и документальную части, причем большинство документов полностью публикуется впервые. Глава о дореволюционном надзоре за Мандельштамом (далее О.М.) в Финляндии написана Д. Зубаревым и П. Нерлером, о «мандельштамовском эшелоне» – П. Нерлером и Н. Поболем, все остальные тексты написаны П. Нерлером. Книга проиллюстрирована фотографиями и документами из публикуемых «дел» и рассчитана на широкую читательскую аудиторию. Первое издание книги (М.: Петровский парк (при участии «Новой газеты»), 2010) вошло в шорт-лист премии «НОС» («Новая словесность») за 2011 год и заняло в нем второе место. Второе основательно переработано и ощутимо дополнено.

© Нерлер П., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Поэт и стихи сквозь призму карательных органов	7
1	8
2	10
3	12
Особый отдел департамента полиции (1912):	16
1	16
2	19
3	22
Документы	23
<1>	23
<2>	24
<3>	25
<4>	26
<5>	26
<6>	27
<7>	28
<8>	29
<9>	30
<10>	30
<11>	31
<12>	32
Особый отдел Штаба Главнокомандующего Русской Армии (1920 г.):	33
1	33
2	36
3	38
4	40
5	42
Документы	46
<1>	46
<2>	47
Особый отряд Штаба Чрезвычайного комиссара Батума и Батумской области (1920 г.):	48
1	48
2	49
3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Павел Нерлер
Слово и «Дело» Осипа Мандельштама
Книга доносов, допросов и
обвинительных заключений
(Издание 2-е, дополненное
и переработанное)
К 75-летию со дня гибели

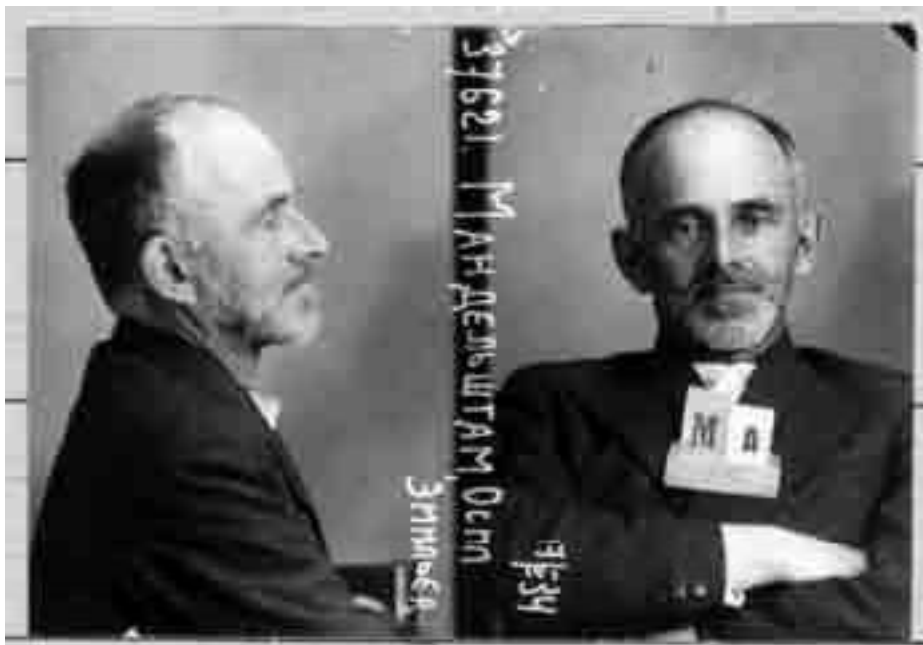
*Всё, что ты видел, забудь —
Птицу, старуху, тюрьму...
И меня только равный убьёт...
Я к смерти готов...*

Авторы: П. Нерлер при участии Д. Зубарева и **Н. Поболь**
Редактор: С. Василенко

© Идея, композиция, текст: П. Нерлер
© Фрагменты текста: Д. Зубарев, **Н. Поболь**
© Обложка: А. Грошев, Е. Прокофьева.

Поэт и стихи сквозь призму карательных органов

Ведь Гегелу – наш вдумчивый биограф...
Леонид Мартынов¹

---

¹ Из стихотворения «Корреспондент» (1927).

1

Осип Эмильевич Мандельштам был в достаточно напряженных отношениях с властями. Еще до революции за ним присматривала полиция, подозревая в нем возможное революционное бунтарство. Революционное бунтарство хотя и имело место, но никогда не носило административно-кадрового характера. Тем не менее дважды – в июле 1918 и в начале 1919 года – его устойчивые связи с левыми эсерами и их изданиями вполне могли привести его в большевистский застенок.

Этого не произошло, но тюрьма – и даже две – поджидали его в 1920 году. Первый раз в августе – в Феодосии, а второй – в сентябре, в Батуме. По иронии судьбы, его заподозрили в службе у большевиков.

В 1933 году О.М. написал стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» и еще несколько, значительно повышавших его шансы быть арестованным. ОГПУ не упустило этой возможности, и арест последовал – в мае 1934 года: но то, чем отделался О.М. в этом случае – всего-навсего тремя годами ссылки – было воспринято всеми как чудо, автором которого был лично Сталин, а адресной аудиторией – творческая интеллигенция.

В 1938 году О.М. арестовали во второй раз и вроде бы за пустяки – за нарушение паспортно-административного режима, но времена решительно переменились.

За время, прошедшее между первым и вторым арестами О.М., численность заключенных в ГУЛАГе выросла вдвое – с 510,3 тысячи человек в 1934 и до 996,4 в 1938 году. Особенно разителен зазор между этими двумя годами по статистике осуждений по политическим мотивам: в 1934 году их было всего лишь 78.899 – самый низкий уровень после 1929 года и почти вчетверо меньше, чем в 1933 году (239.664). В 1938 году число осужденных по 58-й статье превысило полмиллиона (554.258) и уступало по этому показателю только 1937 году (790.665). На 1937–1938 годы приходится и максимальное число (более 680 тысяч за два года!), и максимальная доля расстрельных приговоров (42,3% в 1937 и 59,3% в 1938 году – против, скажем, 2,6% в 1934 году). Наиболее массовой мерой наказания была именно жизнь в ГУЛАГе, то есть содержание в тюрьмах, лагерях и колониях. Только в 1937–1938, а также в 1924 и 1926 годах она была «на вторых ролях», уступив в первом случае – смертной казни, а во втором – ссылке и высылке.

Из 78.899 репрессированных в 1934 году 2.056 человек было расстреляно, 59.451 направлено в ГУЛАГ, а к ссылке и высылке приговорено было 5.994 человека – едва ли не самый «гуманный» год из всего десятилетия. Одним из этих 5.994 сосланных оказался и Осип Эмильевич, так что с годом первого ареста ему, можно сказать, повезло.

Формально «повезло» ему и в 1938 году, когда число осужденных по 58-й составляло 554.258 человек, притом что каждых трех из пяти расстреляли. Оказавшись в числе прошедших сквозь это «сито» судьбы, но будучи приговоренным не к ссылке или высылке (таких в 1938 году было всего 16.842 человека, или 3%), а к отправке в ГУЛАГ (а таких было 205.509 человек, или 37,1%), он – со своим стариковским здоровьем и «пятью годами лагерей» на Колыме – также получил фактически смертный приговор, но с переносом места и с отсрочкой времени его исполнения.

С момента ареста и до дня смерти пройдет всего шесть с половиной месяцев: большего О.М. вынести не смог и 27 декабря 1938 года, в пересыльном лагере под Владивостоком, – умер.

В 1931–1940 годах в системе ГУЛАГ (без учета погибших при побегах²) умерло 376.154 заключенных.

---

² Скачки смертности наблюдались в 1933 и 1938 гг. За 1934–1940 гг. из лагерей бежало 323.739 человек, из них было

Осип Мандельштам был одним из них.

2

Взгляд на поэта и на его «слово» через его «дело» – довольно неожиданный ракурс. Особенно если посмотреть из-за плеча палачей: даже элементарное знакомство с кем-то предстает тогда антисоветским проступком, а написанное стихотворение – гнусным пасквилем и контрреволюционным деликтом. В «Разговоре о Данте» находим у О.М. страницы, посвященные спайке свободы и заточения, повальной зараженности воли миазмами тюрьмы. Во Флоренции, конечно, но О.М. это чувствовал кожей и в Москве. Иначе бы не написал в ноябре 33-го свои роковые строки – «Мы живем, под собою не чуя страны...».

Несколько неожиданно, но иногда «дело» может иметь и текстологическое значение для «слова», коль скоро иных беловых автографов, кроме записанных в кабинете следователя, у некоторых стихотворений не существует. Тут мы «обязаны» чекистам, кроме только что процитированного, еще и стихотворением «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым...» (оно сохранилось, правда, только в записи под диктовку О.М. рукой следователя).

Менее аутентичен протокол допроса. Как жанр он просто немыслим без следовательского нажима и невольного «соавторства», а вот жанровой особенностью собственноручных показаний (нечастая, впрочем, штука) являлось отсутствие цензуры, на что немного ехидно указывал в своих признаниях 15 февраля 1933 года Иванов-Разумник³.

Первой собирать материал об арестах и последних днях О.М. начала его вдова Надежда Яковлевна. Она же автор (или адресат) многих из документов, вошедших в книгу, особенно в связи с процессом реабилитации. Свое первое «интервью» у очевидца она взяла еще в 1940-е годы, когда в Ташкенте, где она жила, вдруг объявился Юрий Казарновский. В 1960-е годы ряд таких свидетельств зафиксировали Илья Эренбург, Моисей Лесман, Александр Морозов и Игорь Поступальский. В конце 1980-х – начале 1990-х Виталий Шенталинский первым ознакомился со следственными делами О.М. (август 1990 года), Эдуард Поляновский записал ценнейшие свидетельства Юрия Моисеенко, Светлана Неретина – Дмитрия Маторина⁴, а пишущий эти строки, первым получивший доступ к тюремно-лагерным делу О.М.⁵, записал и ввел в оборот свидетельства того же Е. Крепса, Д. Маторина, Ю. Моисеенко и ряда других. Нельзя не упомянуть и Валерия Маркова, сумевшего идентифицировать место предполагаемого захоронения поэта и собравшего сведения о пересыльном лагере, где погиб О.М.

В январе–июне 1991 года ксерокопии документов из всех трех «дел» О.М. экспонировались в Государственном литературном музее СССР на выставке, посвященной юбилею поэта, а в мае 2008 года сканированные изображения фрагментов этих дел появились в интернете в рамках «Воссоединенного цифрового архива Осипа Мандельштама»⁶ по адресу: www.mandelstam-world.org.

³ Растерзанные тени. Избранные страницы из «дел» 20–30-х годов / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М., 1995. С. 110.

⁴ Неретина С. «Река Яузная, берега кляззные». Интервью с человеком, который одним из последних видел О.Э. Мандельштама / Комм. П.М. Нерлера // Вечерний Владивосток. 1989. 19 авг.

⁵ Позднее избранные материалы из всех трех дел неоднократно перепечатывались. Первым западным републикатором стал Бенгд Янгфельдт, в 1992 г. напечатавший на шведском языке в общей сложности двадцать документов из трех дел О.М. (см.: Jangfeldt B. Osip Mandelstams akt i KGB: s arhiv // Lyrikvännen. Tidskrift för fib: s Lyrikklubb. 1992. Nr. 2. S. 116–134). Утруднять себя и читателя ссылками на архивные источники или на своих российских предшественников шведский филолог не стал. Куда цивилизованнее проявил себя юрист Питер Маггс, факсимильно воспроизведший шестнадцать страниц документов из тюремно-лагерного дела О.М. и сопоставивший их с восьмьюдесятью пятью страницами из дела идишского писателя Пинхаса Кагановича (дер Нистера), арестованного в феврале 1949 г. (Maggs P. B. The Mandelstam and «Der Nister» Files. An Introduction to Stalin-era Prison and Labor Camp Records. M.E. Sharpe. Armonk, New York, London, England, 1996. 173 p.). Другое дело, что он не разобрался в некоторых деталях, в частности, в тех, что связаны не только с разным временем осуждения О.М. и дер Нистера, но и с разными типами дел – тюремно-лагерным в первом случае и следственным во втором (кстати, ОЛП – это отдельный лагпункт, а не отдел лагерных поликлиник, как предположил Маггс, и т. д.)

⁶ Проект Мандельштамовского общества и Оксфордского университета. См.: www.mandelshtam-world.org

П. Нерлеру, Э. Поляновскому и В. Шенталинскому принадлежат и первые книги, целиком или частично, но специально посвященные гибели О.М. Естественно, что мимо этих вопросов не прошли и авторы имеющихся биографий поэта – К. Браун, Н. Струве, О. Лекманов и Р. Дутли.

3

Настоящая книга выстроена хронологически – в порядке разворачивания репрессий или усилий по их преодолению (в частности, по реабилитации). Каждая глава имеет организационную привязку – к конкретному карательному или иному органу, осуществлявшему ту или иную репрессию (или, наоборот, реабилитацию). Каждая содержит в себе текстовую и документальную части, причем большинство документов впервые публикуется полностью.

Глава о дореволюционном надзоре за О.М. в Финляндии написана Д. Зубаревым и П. Нерлером, о «мандельштамовском эшелоне» – П. Нерлером и Н. Поболем, все остальные тексты написаны П. Нерлером.

Цитаты из произведений О.Э. Мандельштама, если иное не оговорено, даются по изданию: Осип Мандельштам. Собрание сочинений в 4-х тт. / Под ред. П. Нерлера и А. Никитина. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997. Индивидуальные ссылки на цитируемые произведения опускаются.

Цитируемые фрагменты, а также автографы и рукописные вставки внутри документов даются курсивом, рукописные тексты (автографы) самого О.Э. Мандельштама – полужирным курсивом. Архивные сигнатуры и сокращенные названия часто встречающихся изданий также даются курсивом.

Персональные сведения о репрессированных лицах приводятся по компакт-дису: Жертвы политического террора в СССР. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Звенья, 2007. Справки о сотрудниках ОГПУ–НКВД даются по изданиям: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2002; Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003. В отдельных случаях использованы сведения, предоставленные Н.В. Петровым.

В книге приняты следующие сокращения:

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации, Москва

АМ – Принстонский университет. Файерстоунская библиотека. Отдел рукописей и редких книг. Коллекция О.Э. Мандельштама

АП РФ – Архив Президента Российской Федерации, Москва

а/с агит. – антисоветская агитация

АССР – автономная советская социалистическая республика

АУ ФСБ СПбИЛО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург.

Ахматова, 2005 – Ахматова А.А. Победа над судьбой. Т. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы. М.: Русский путь, 2005. 984 с.

б/п – беспартийный

ВПВТО – Воронежская право-троцкистская вредительская террористическая организация

в/с – военнослужащий

ВК ВС СССР – Военная коллегия Верховного суда СССР

г. – год, город

ГААРК – Государственный архив Автономной республики Крым, Симферополь

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва

Гардзонио, 1998. – Гардзонио С. Письмо Э.Л. Миндлина В.И. Сидорову (Баяну). Еще о литературной Феодосии // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 481–487.

ГБ – государственная безопасность

гг. – годы

Герштейн, 1998 – Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. 524 с.

ГЛИМ – Государственный литературный музей, Москва

гор. – город

г. р. – год рождения

гр. – гражданин, гражданка

ГУГБ – Главное управление государственной безопасности

ГУЛАГ – Главное управление лагерей ОГПУ–НКВД–МВД СССР

Гыдов, 1993 – Гыдов В.Н. О. Мандельштам и воронежские писатели (по воспоминаниям М.Я. Булавина) «Сохрани мою речь...» Вып. 2. М., 1993. С. 37–39.

д. – дело; дом; деревня

ж. д. – железная дорога

Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама, 1990 – Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. с.

зав. – заведующий

зам. – заместитель

з-д – завод

з/к – заключенный-колонист

и.о. – исполняющий обязанности

ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Санкт-Петербург

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

Кацис, 2008 – Кацис Л. Борис Николаевский о судьбе Осипа Мандельштама: к проблеме аутентичности информации журнала «Социалистический вестник» (1946) // Вестник РГГУ. Сер.: Журналистика. Литературная критика. 2008. №11. С. 143-149.

Кацис, 2011 – Кацис Л. О «делах», жизни и судьбе Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 330-362.

кв. – квартира

КГБ – Комитет государственной безопасности СССР

к-з – колхоз

КПВО – Боль и память: Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. Т. 1. Владимир: Фолиант, 2001

КПКО – Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан: В 4 т. Калуга, 1993–2003

КПМО – Помнить поименно: Книга памяти жертв политических репрессий жителей Московской области. М.: ООО «ФЭРИ-В», 2002

к-р, к-р. – контрреволюционный, контрреволюционная деятельность

КРД, крд, к.р.д. – контрреволюционная деятельность

к-р. деят./агит. – контрреволюционная деятельность/агитация

Кунтур, 2009 – Кунтур Я. Чердынская городская больница в 30-е годы // Миры Мандельштама. VI Мандельштамовские чтения. Пермь, 2009. С. 40-57.

Купченко, 1991 – Купченко В.П. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) // Слово и судьба. М., 1991. С. 176–182.

Кураев, 1988 – Кураев В.В. Дневник ссыльного большевика (1933 – 1935). М.:

Азбука, 1998. 104 с.

л. – лист

л. д. – лист дела

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 212–258.

МВД – Министерство внутренних дел СССР

МГБ – Министерство государственной безопасности СССР

Милютин, 1997 – Милютин Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С. 343–344.

Миндлин, 1979 – Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979. 560 с.

МП – газета «Московская правда»

Нерлер, 1991 – Нерлер П. «Он ничему не научился...» О.Э. Мандельштам в Воронеже: новые материалы // Литературное обозрение. 1991. № 1. С. 91–95.

Николаевский, 1946 – Николаевский Б. [«Преступление и наказание» поэта О. Мандельштама] Из летописи советской литературы // Социалистический вестник. Нью-Йорк. 1946. № 1. 18 янв. С. 21–25.

Никольский, Поболь, 1999 – Никольский А., Поболь Н. Как их везли // Железнодорожное дело. 1999. № 2–4. С. 43–47.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР

н/п, н/пр – надзорное производство

нрзб – неразборчиво

Н.М. – Надежда Яковлевна Мандельштам

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление СССР

О.М. – Осип Эмильевич Мандельштам

оп. – опись

Осип и Надежда, 2002 – Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. текстов, сост., коммент., вступит. ст. О.С. и М.В. Фигурновых. М., 2002. 544 с.

п., п.п. – пункт, пункты

«Подвергнутая экспертизе литература...», 2005 – «Подвергнутая экспертизе литература...»: Из следственного дела И.М. Наппельбаум / Публ. Е.М.Царенковой, вступ. статья и примечания А.Л. Дмитренко // In memoriam: Сб. памяти Владимира Алая. СПб., 2005. С. 390–417.

Растерзанные тени, 1995 – Растерзанные тени. Избранные страницы из «дел» 20–30-х годов / Сост. Ст. Куняев, С. Куняев. М.: Голос, 1995. 480 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

РГВА – Российский государственный военный архив, Москва

Реабилитация: как это было, 2000 – *Реабилитация: как это было.* Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Том 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М., 2000. 504 с.

РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.

РНБ – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Рюрик Ивнев, 2008 – Рюрик Ивнев. С Осипом Мандельштамом на Украине / Публ. Н. Леонтьева // Сохрани мою речь. Вып. 4. М., 2008. С.120–132.

с. – страница, село

СВЭ – социально-вредный элемент

с-з – совхоз

СОЭ – социально-опасный элемент

ССП – Союз советских писателей

Тименчик, 2008 – Тименчик Р. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим, 2008. 684 с.

тр. – троцкистский

ул. – улица

УМВД – областное управление МВД СССР

УРЧ – Учетно-регистрационная часть

УСО – Учетно-статистический отдел

УНКВД – областное управление НКВД СССР

УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей, Магадан

ф. – фонд

ф-ка – фабрика

х. – хутор

ч. – часть

ЦА МВД – Центральный архив МВД, Москва

ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности, Москва

ЦГАЛИ – см. РГАЛИ

Шнейдерман, 1996 – Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82–126.

Элиасберг, 2005 – Элиасберг Г.А. «Один из прежнего Петербурга»: С.Л. Цинберг – историк еврейской литературы, критик и публицист». М., 2005. 574 с.

ЮВЖД – Юго-Восточная железная дорога

В оформлении и иллюстрировании книги использованы материалы *АВП РФ, АП РФ, ГАРК, ГАРФ, ГЛМ, РГАЛИ, РГАСПИ, РГВА, ЦА МВД, ЦА ФСБ*, собраний Мандельштамовского общества (Москва), С.Василенко (Фрязино) и Б.Фрезинского (Санкт-Петербург).

Моя первая благодарность – моим соавторам: Д. Зубареву и **Н. Поболю**, умершему 27 января 2013 года, редактору первого издания книги – С. Василенко, его дизайнерам (А. Грошеву, Е. Прокофьевой и В. Ванюкову) и издательству «Петровский парк» (директор В. Каневский).

Заново благодаря и всех остальных, кто помогал мне при подготовке первого издания, здесь перечислю лишь тех, чьи суждения помогли при подготовке второго. Это – М. Бейзер, Н. Громова, В. Драницын, А. Дмитренко, В. Зарубин, Л. Кацис, К. Морозов, В. Мочалова, А. Поморский, Г. Суперфин, А. Тепляков, Д. Черашняя и Г. Элиасберг.

Особый отдел департамента полиции (1912): «Некий еврей Мандельштам...»: К вопросу о любознательности охраны⁷

1

Дело, из которого почерпнуты публикуемые ниже документы, – под номером 122А, т. 4 делопроизводства Особого отдела Департамента полиции⁸ за 1911 год (ныне фонд Р-102 ГАРФ) – называлось так: «Разработка адресов, обнаруженных по обыску у Веры Дилевской и Мячина». В нем 262 листа, начато в ноябре 1911, закончено в августе 1914 года.

Это настоящее пособие по теме «Борьба карательных органов Российской империи с революционным подпольем накануне мировой войны». Одним из его фигурантов, сам того не подозревая, оказался и Осип (тогда еще Иосиф) Мандельштам.

...Пансион Линде⁹ под Петербургом в Мустамьяках (ныне станция Горьковская) вошел в историю – но не столько как лечебница для легочников с отменной молочной кухней, сколько как место, где чуть ли не постоянно жили или отдыхали революционеры всех мастей и направлений. В нем *«находили приют все скомпрометированные в глазах петербургской жандармерии лица... Меньшевики, большевики, бундовцы, социалисты-революционеры, анархисты, – все перебивали на правах пансионеров в скромном, населенном, как улей, мустамьякском доме»*¹⁰. По соседству были дачи Екатерины Федоровны Крит, поклонницы Максима Горького, и Марии

⁷ Впервые отрывки из данного комплекса документов воспроизведены А.Г. Мецем в публикации «Неизвестные стихотворения Мандельштама» (Даугава. Рига. 1988. № 2. С. 106–107). Ссылки на них содержатся также в его примечаниях к публикации выдержек из дневника С.П. Каблукова в кн.: Мандельштам О. Камень. Л.: Наука, 1990. С. 359, 361 (с указанием номера фонда). Промежуточной является также наша газетная публикация: «Некий еврей Мандельштам...». По документам департамента полиции / Публ. и пояснения Д. Зубарева и П. Нерлера // Русская мысль. Париж, 1993. №№ 3893 (11–17 июня), с. 11 и 3894 (18–25 июня), с. 9. В полном виде комплекс документов впервые в другой, более полной, публикации: «Некий еврей Мандельштам...». По материалам департамента полиции / Публ. и пояснения Д. Зубарева и П. Нерлера // Сохрани мою речь. Вып. 3/2. М., 2000. С. 105–125.

⁸ Департамент полиции просуществовал в России с 6 августа 1880 по 27 февраля 1917 г. Главной задачей этого органа политического сыска и управления являлось «предупреждение и пресечение преступлений и охрана общественной безопасности и порядка». В его ведении находились охранные и сыскные отделения, полицейские учреждения, адресные столы и пожарные команды, а также гласная и негласная агентура. Собственный аппарат Департамента состоял из Особого отдела, девяти делопроизводств и еще нескольких составных частей. Входя в состав МВД, Департамент занимал в нем особое положение; в частности, теснейшим образом он был связан с Отдельным корпусом жандармов (общее руководство и тем и другим осуществляло одно лицо – товарищ министра внутренних дел). Непосредственной главой департамента был директор (всего их сменилось восемнадцать).

⁹ Линде Федор Федорович (1881–1917) – математик и беспартийный революционер, автор вступительной статьи к книге Л. Кутюра «Философские принципы математики» (СПб.: Изд. Карбасникова, 1913) и собственной книги «Строение понятия. Логическое исследование» (Пг., 1915). Будучи вольноопределяющимся Финляндского лейб-гвардейского пехотного полка, вывел его 20 апреля 1917 г. из казарм и повел к Марининскому дворцу с требованием отставки Милокова. 13 мая 1917 г., согласно удостоверению Петросовета, был назначен помощником комиссара Особой армии Юго-Западного фронта, где и погиб 25 августа в результате солдатского самосуда в расположении 443 полка 3-й пехотной дивизии; похоронен в Финляндии. О смерти Ф. Линде см. газетные отклики: «Новая жизнь» (27 авг. 1917), «Голос солдата» (2 сент. 1917), «Свободный зритель» (2 сент. 1917), «Известия советов рабочих и солдатских депутатов» (2 сент. 1917), «Биржевые ведомости» (6 сент. 1917), а также «Речь» и «Социал-демократ». См. также воспоминания П.Н. Краснова «На внутреннем фронте» (Архив Русской революции. Том 1. Берлин, 1922. Гл. 3). Ф. Линде – прототип прапорщика Кнопа в романе П.Н. Краснова «от двуглавого орла к красному знамени» (1922; там же встречается и «вольноопределяющийся Линде») и комиссара Гинце в романе Пастернака «Доктор Живаго», под своим именем он фигурирует в узле четвертом «Апрель Семнадцатого» эпопеи А. Солженицына «Красное колесо» (гл. 50, 55 и 57). О.М. был хорошо знаком с Ф. Линде, и его гибель, по предположению Н.М., отозвалась в стихотворении О.М. «Когда октябрьский нам готовил временщик...».

¹⁰ Канторович В. Федор Линде // Былое. 1924. Кн. 24. С. 230.

Карловны Иорданской, по первому мужу – Куприной (дом не сохранился, будучи в 1924 году, перед выездом хозяев в Россию, продан на снос). Пансион принадлежал Полине Фелициановне Жанковской (по мужу Линде) и ее сыновьям Ивану (Иоганну-Альберту-Фридриху) и Федору (Фридриху-Михаилу) Линде¹¹.

Летом 1911 года, в частности, там находились Вера Дилевская и знаменитый большевистский боевик–экспроприатор – неуловимый Константин Мячин¹². В 1911 году, живя в Финляндии, он занимался подъемом оружия с затопленного в 1905 году у берегов Ботнического залива парохода «Джон Графтон». В начале августа 1911 года здесь была устроена внезапная облава, но самая крупная «дичь» ушла: бросив важные документы, Мячин и Дилевская сумели бежать. Арестованы были только хозяева пансиона – братья Линде¹³.

Зато информационный «улов» был богатым: захваченных бумаг было столько, что на годы была обеспечена работа жандармских управлений и охранных отделений чуть ли не по всей России. Письма и телеграммы так и шныряли из столицы – в Ашхабад, Баку, во Владивосток, Вятку, Гродно, Екатеринбург, Екатеринодар, Екатеринослав, Иркутск, Калугу, Киев, Ковно, Нижний Новгород, Одессу, Пермь, Ростов, Рыбинск, Севастополь, Тамбов, Тверь, Тифлис, Томск, Уфу, Харьков – и обратно. В деле – секретные и совершенно секретные циркуляры, перлюстрированная и расшифрованная конспиративная переписка, адреса и особые приметы «нелегалов», протоколы столичных и провинциальных обысков и допросов, справки паспортистов, шифротелеграммы с особо секретными сведениями.

Нашлось занятие и для заграничной агентуры. Ее начальник А.А. Красильников, чиновник для особых поручений при Министре внутренних дел, слал из Парижа донесения об эмигрантах, упоминаемых в захваченной переписке, об их замыслах и заговорах, плетущихся в Цюрихе и Давосе, Вене и Неаполе, Берлине и Мюнхене, Лондоне и Льеже.

В деле упоминаются сотни «известных Департаменту полиции» имен революционеров – эсеров и эсдеков, большевиков и меньшевиков, анархистов и максималистов. А имена Засулич, Плеханова, Бурцева, Брешко-Брешковской, Савинкова и Троцкого уже тогда были известны не только Департаменту полиции, но и всей России. Пройдет время, и столь же известными станут и другие имена: Якова Свердлова и Анатолия Луначарского, Адольфа Иоффе (будущего посла в Германии) и Арона Солнца (будущего председателя ЦКК). Здесь, в деле, впервые сошлись имена Варвары Яковлевой – будущего председателя Петроградской ЧК – и Вадима Чайкина – будущего члена ЦК партии социалистов-революционеров (вторично эти имена встретятся в списке расстрелянных по приказу Сталина в Орловской тюрьме в сентябре 1941 года).

Словом, работа кипела, и полиция, кажется, уже знала всё и обо всех!

И вдруг – «сигнал» о «некоем еврее», связанном с дачей Линде и совершенно неизвестном Департаменту полиции!

Всякий, кто имел хоть какое-то касательство к этому пансиону, определенно возбуждал к себе сыщицкий интерес. Но никаких точных сведений ни о личности О.М. (не считая блестящей разгадки его национальности¹⁴), ни о характере его противоправительственной агита-

¹¹ Этими сведениями о пансионе и семье Линде мы обязаны Елене Ивановне Хучуа-Линде, Тбилиси.

¹² Мячин Константин Алексеевич (он же «Антон», он же «Николай», он же «Сотник», он же «Василий Васильевич Яковлев», он же «Стоянович»; 1886–1938) – в 1906–1909 гг. участник и организатор пяти «экспроприаций» на Южном Урале, в ноябре 1910 – марте 1911 г. слушатель и один из руководителей партийной школы в Болонье, организованной группой «Вперед» на деньги от ограбления группой Мячина станции Миасс. В апреле 1918 г. возглавил секретную миссию по вывозу царской семьи из Тобольска на запад. Подробнее о нем см. в ст.: Лешкин Н. Последний рейс Романовых // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1989. С. 28–89.

¹³ См., например, заметку «Арест революционеров в Финляндии» (Петербургский листок. 1911. № 216. 9 авг.). Постановлением Особого совещания при министре внутренних дел от 20 февраля 1912 г. Федор и Иван Линде – «за сношения с видными активными деятелями боевой организации РСДРП» – были приговорены к ссылке в Нарымский край Томской губернии сроком на два года. В апреле 1912 г. ссылка Ф. Линде была заменена выездом за границу на тот же срок.

¹⁴ Попутно обозначим сквозящую в этих документах тему служебно-бытового антисемитизма в полицейских кругах, апогеем которого стало, разумеется, дело «жида» Бейлиса.

ции в донесении не содержится, кроме упоминания, что он – «по слухам»! – проживал в 1911 году в пансионе Линде и скрылся оттуда во время арестов летом того же года. Однако и слух, всерьез взволновал полицию, уязвленную неудачей с поимкой Мячина. После чего высшим чинам политического сыска Российской империи не лень было возиться с этим «неким евреем» целых полгода!

2

Началось всё, по-видимому, с рукописной анонимки, «любительского» доноса, поступившего к помощнику начальника Финляндского жандармского управления¹⁵ по Бьернеборгскому пограничному району полковнику Базаревскому¹⁶. Тот передал сведения в несколько адресов: в районное охранное отделение, своему непосредственному начальнику полковнику Утгофу¹⁷ (который, очевидно, не придал доносу никакого значения) и генерал-майору Лампе¹⁸, начальнику жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог, который, напротив, дал делу энергичный ход. В пользу предположения, что неизвестный нам донос был рукописным и анонимным, говорит то, что гельсингфорские жандармы не могли проверить изложенные в нем сведения, а одна из упоминаемых в нем фамилий была при перепечатке неразборчивого рукописного текста переврана – «Фейсранов» вместо «Феофанов». На основании этого доноса Лампе отправил 24 июня 1912 года в Санкт-Петербургский департамент полиции секретное донесение о том, что «некий еврей Мандельштам» проживал в пансионе «Лейно» в деревне Неуволла, где занимался «противуправительственной агитацией». Но мало того: чины местной финской полиции ему покровительствуют и даже выполняют его поручения!

В завязавшейся между Финляндским жандармским управлением, столичным Охранным отделением и Особым отделом Департамента полиции интенсивной переписке ставилась четкая задача: вывести на чистую воду, «разъяснить» этого подозрительного и опасного революционного семита, этого Мандельштама!

Гм, Мандельштама? Но какого?!

Надо сказать, что обладателей этой «фамилии чортовой» проходило по делам Департамента полиции изрядное множество. Как правило, их всё же друг от друга отличали, но нередко и путали. Так что замешательство полиции было понятно.

Судите сами. Было известно, что в Териоки наезжает знаменитый киевский профессор-окулист Макс Эмильевич (Емельянович) Мандельштам (1838–1912), «закаленный – по отзыву начальника Киевского губернского жандармского управления – еврей, но получивший отличное высшее образование». Когда в 1899 году киевские жандармы узнали, что он был одним из российских делегатов на Третьем всемирном сионистском конгрессе, они попросили его представить им записку о сионизме, каковую Макс Эмильевич для них охотно составил, указав, что *«заселение Палестины евреями... может служить службу всем, в особенности же самой России»*¹⁹. Впрочем, столь резвая агитационная деятельность в случае почтенного окулиста была едва ли представима.

¹⁵ При первичном просмотре фондов Финляндского жандармского управления и Жандармского управления Финляндских железных дорог (ГАРФ. Ф. Р-494, Ф. Р-495с) документов, имеющих касательство к этому делу, обнаружить не удалось.

¹⁶ Базаревский Давид Иосифович (1867–?) – полковник, вероисповедания магометанского. С 17 октября 1910 г. – и. о. помощника начальника Финляндского жандармского управления по Бьернеборгскому пограничному району.

¹⁷ Утгоф Карл-Рудольф Карлович (1860–?) – полковник; в службе с 1 июля 1877 г., в 1908–1913 гг. – начальник Финляндского жандармского управления.

¹⁸ Лампе Александр Богданович (1850–?) – генерал-майор, с 3 сентября 1901 г. начальник жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог.

¹⁹ Цит. по: Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX – начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992, № 1. С. 46–47. Интересно, что в 1910 г. судьба свела М.Э. и О.Э. Мандельштамов в пансионе в Хангё. Об их встрече сохранилось свидетельство в дневнике С.П. Каблукова (в то время секретаря Религиозно-философского общества) за 7 июля 1915 г. Так, «киевский» Мандельштам назвал фельетон известного сиониста М. Нордау «перлом»: «Фраза была сказана и звучала так: “Эташперла!” = “Это же перл”. Трудно передать особую интонацию и акцент, с каким это было сказано. В первый миг ни И.Е. (Иосиф Эмильевич – Комм.), ни я не поняли этого слова, затем, поняв, стали безудержно и вполне невежливо смеяться в лицо милому старику, делая тщетные усилия прекратить смех, всё

Несколько проще было представить в этой роли переводчика Исаю Бенедиктовича Мандельштама – к слову сказать, племянника и воспитанника киевского профессора. В 1908 году он закончил технический факультет Льежского университета, был там душой русской студенческой колонии, по обыкновению зараженной русским крамольным духом. С 1910 года – студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Пожалуй, единственным реальным революционером среди Мандельштамов был знаменитый большевик Мартын Николаевич Мандельштам (1872–1947; подпольные клички Лядов и Одиссей). Впервые привлеченный к дознанию в Москве в 1892 году, все последующие двадцать лет он не давал полиции поводов забыть о себе: в 1893 году – кратковременный арест, в 1895 – организация первой маевки под Москвой, в 1896 – новый арест и пятилетняя ссылка в Верхоянск, в 1902 – первомайская демонстрация в Саратове, в 1903 – бегство за границу. Там, познакомившись с Лениным, он становится одним из организаторов партии большевиков и непременным участником всех ее съездов. Вернувшись в 1905 году в Россию, он участвует в событиях «кровавого воскресенья» и в руководстве Московским вооруженным восстанием в декабре 1905 года, поработал он и в финской военной организации. В 1909 году, разойдясь с Лениным, Мандельштам-Лядов стал одним из организаторов ультрареволюционной группы «Вперед», читал лекции в организованных этой группой партийных школах на Капри (1909) и в Болонье (1910–1911). Департаменту полиции было известно, что секретарем этой последней школы была его жена Лидия (кстати, замеченная в перлюстрации переписки слушателей), а среди самих слушателей – и товарищ Антон, он же Константин Алексеевич Мячин – главное действующее лицо в событиях на даче Линде²⁰. И в 1911 году этот Одиссей, по которому плакали и каторга, и виселица, как ни в чем не бывало возвращается в Россию и устраивается на работу в контору братьев Нобель в Баку секретарём редакции журнала «Нефтяное дело». В сентябре 1918 г. был арестован турками, а в ноябре, при отступлении турок, был депортирован в Грузию (Впрочем, для такого матерого большевистского волка бегать по териокским дачам тоже было как-то несерьезно...)

А может быть это Моисей Лейбович (он же Михаил Львович) Мандельштам? Он хоть и не живет всю жизнь по чужим документам, как тот, но тоже крамольник известный. Еще двадцать пять лет назад, в 1886 году, попал он в Петербурге за студенческую демонстрацию в кутузку, был исключен из университета. Правда, с тех пор его больше не арестовывали: окончив юридический факультет Казанского университета, стал он присяжным поверенным, даже диссертацию защитил и, состоя в кадетской партии, адвокатствовал с 1903 года в Москве. Но вот кого же он защищал!?

Исключительно крамольников, и не просто крамольников, а злодеев-террористов – Гершуни, Каляева²¹. Того самого Каляева, что в московском Кремле бомбой подорвал дядю царя – великого князя Сергея Александровича. Конечно, никакая защита Каляеву не помогла – повесили, но все-таки примечательно, что из всех московских адвокатов Каляев выбрал именно Мандельштама. Правда, сомнительно, чтобы эта хитрая бестия, приезжая отдыхать на Финское взморье, бегала по дачам и чего-то там агитировала, но проверить надо.

В картотеке был и еще один подозрительный Мандельштам – Николай Николаевич (Эммануил Львович) (1879–?), высланный из Москвы в Воронеж в 1903 году за хранение подпольных брошюр и бесследно скрывшийся оттуда в феврале 1904 года.

усиливавшийся. И сейчас, вспоминая об этом с И.Е. Мандельштамом, я почти никогда не могу заставить себя не смеяться. То же и мой соучастник И.Е.» (Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 250). Об этой встрече М.Э. и О.Э. Мандельштамов см. также в кн.: Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 519–520 (там же – о визите самой Надежды Яковлевны, тогда десятилетней девочки, к знаменитому киевскому врачу).

²⁰ Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. М., 1990. С. 78, 80, 98, 104, 107, 294–295, 297.

²¹ См. его книгу: 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.

Да еще и Иосиф Менделевич Мандельштам, сын Паневежского второй гильдии купца, имя которого еще всплывет в документах «дела Мандельштама».

3

К ним, кстати, пора и вернуться.

В переписке о Мандельштаме, продолжавшейся с июня и до декабря 1912 года, прослеживается три этапа розыскных мероприятий:

- с июня по октябрь (первые пять документов): выяснение личности (со служебной командировкой филера Ефимова)²²;

- октябрь–ноябрь (документы 6–8, 10–11): уточнение по картотекам возраста, адреса, занятий, революционной деятельности и проч.;

- ноябрь–декабрь (документы 9 и 12): попытка удостовериться в том, что этому «некоему еврею» хотя бы жить в Финляндии не положено (увы, и здесь неудача!).

Сведений же о том, что Мандельштам этот – поэт, в делопроизводстве Департамента полиции обнаружено не было.

---

²² Еще бы: при таком богатом «выборе» Мандельштамов знание отчества играло определяющую роль!

Документы

«1»

Обращение начальника жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог генерал-майора А.Б. Лампе в Департамент полиции МВД от 24 июня 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Получены сведения, что некий еврей Мандельштам (имя и отчество не выяснено) по слухам проживавший в 1911 году в пансионе Линде близ станции Мустамяки Финляндской железной дороги и скрывшийся оттуда во время арестов летом прошлого года, – в настоящее время проживает в новом пансионе «Лейно» в деревне Неуволла Усикирского прихода и занимается противуправительственной агитацией между проживающими в 9 пансионах около станции Мустамяки. Пансионы эти часто посещаются многими лицами, приезжающими из Петербурга на короткое время и здесь устраиваются собрания, на которых присутствуют Мандельштам и приезжие гости. Собрания большею частью происходят в пансионе Ребановича²³ (близ станции Мустамяки). Местная полиция в лице помощника ленсмана Фейсранова, обер-констабля Саволайнена и констабля Викстрема²⁴ покровительствует проживающим в пансионах, между которыми много евреев, не имеющих права жительства в Финляндии. Викстрем, по слухам, исполняет даже поручения Мандельштама и развозит его корреспонденцию разным лицам в Териоки и Райвола.

Об изложенном полковником БАЗАРЕВСКИМ донесено начальнику Финляндского Жандармского Управления и сообщено в Районное Охранное Отделение, вместе с сим за №№ 38 и 39.

Генерал-майор Лампе

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 149–149 об. На бланке: «Начальник Жандармского Полицейского Управления Финляндских железных дорог, 24 июня 1912 г., № 152, г. Гельсингфорс». Помета сверху: «27/6» и штамп: «28 июн. 1912» – очевидно, дата получения адресатом; в середине – слева, под штампом, резолюция: «Надо об этом запросить полковника» Утгофа» и, посередине, по тексту: «Исх. № 103354», внизу – помета: «В отд. 28. VI» и штамп: «28 июн. 1912».

---

²³ Ребанович (очевидно, Рабинович) – имеется в виду пансион доктора С. Рабиновича, в котором Мандельштам, действительно, неоднократно останавливался; с сыном д-ра Рабиновича – Григорием – Мандельштам был дружен, благодаря его воспоминаниям до нас дошел ряд шуточных стихотворений поэта (Мандельштам О. Соч. в 2-х тт. М., 1990. Т. 1. С. 595).

²⁴ Фейсранов (Феофанов), Саволайнен и Викстрем – дополнительными сведениями об этих служащих финской полиции мы не располагаем.

В августе 1911 г. О.М. отдыхал в санатории Конкалла под Выборгом, где познакомился с А.Ф. Кони (о чем он писал В.И. Иванову). Известие о налете полиции на пансион Линде произвело на О.М., по-видимому, сильнейшее впечатление. С этим его состоянием, по предположению А.А. Морозова, непосредственно связано стихотворение «Как кони медленно ступают...» (Лит. обозрение. 1991. № 1. С. 81).

⟨2⟩

**Обращение и. о. вице-директора Департамента полиции
МВД полковника Еремина к начальнику Финляндского
жандармского управления К.-Р.К.Утгофу от 5 июля 1912 г.**

Секретно

Начальнику Финляндского Жандармского Управления

*Начальник Жандармского Полицейского Управления Финляндских железных дорог донес, что по полученным им сведениям в пансионе «Лейно», в дер. Неуволла, Усикирского прихода, проживает, занимается противуправительственной агитацией в среде населяющих пансионы у станции Мустамяки некий еврей **Мандельштам**, успевший избежать ареста еще в минувшем году, причем местная полиция покровительствует проживающим в этих пансионах евреям, лишенным права жительства в пределах Финляндии, а констебль Викстрем даже исполняет поручения Мандельштама по развозке его корреспонденции.*

Принимая во внимание, что об изложенном Помощником Вашего Высокоблагородия по Бьернеборгскому пограничному району уже донесено Вам за № 38, Департамент Полиции просит Вас сообщить надлежащие по сему предмету сведения.

За Вице-Директора, подписал полковник Еремин²⁵

За Заведующего Особым Отделом П. Шиллер²⁶

За Начальника Отделения Подпись

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 150–150 об. На бланке: «Министерство внутренних дел. Департамент полиции. По Особому отделу. 5 июля 1912 г. № 103354», ниже впечатано: «По I Отделению». Пометы сверху – «19354/12», под обращением – «ответ» вх. 26938/26506».

---

²⁵ Еремин Александр Михайлович (1872–?) – полковник, в 1906 г. – начальник Киевского охранного отделения, которому сдался видный эсер-максималист Соломон Рысс; в связи с этим делом был переведен в Петербург, на должность помощника начальника секретного (особого) отдела Департамента полиции (Герасимов А.В. На лезвии с террористами / Всероссийская мемуарная библиотека. Сер.: «Наше недавнее». Том 4. Париж, 1985. С. 88). В службе – с 30 августа 1891 г., в резерве отдельного корпуса жандармов с 9 марта 1910 г.; в 1910–1913 гг. заведующий особым отделом Департамента полиции Министерства внутренних дел.

²⁶ Шиллер Петр Николаевич – в службе с 1899 г. В 1912 г. – коллежский ассессор, старший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.

«З»

**Обращение начальника Финляндского жандармского
управления К.-Р. К. Утгофа в Особый отдела
Департамента полиции от 31 августа 1912 г.**

Секретно

В Департамент Полиции (по Особому Отделу)

По наведенным Помощником моим по Выборгскому району справкам как негласным путем, так и через агентуру, оказалось, что в 5-ти километрах от ст. Мустамяки Финляндской жел. дороги в пансионе Лейно в дер. Неуволла Усикирского прихода действительно проживает некий еврей МАНДЕЛЬШТАМ, имя и отчество которого установить пока не представилось возможным, так как в местном Полицейском Управлении он не прописан. – По-видимому, МАНДЕЛЬШТАМ не имеет права жительства в Финляндии, так как часто переезжает с места на место, посещая при этом довольно часто пансион РЕБАНОВИЧА, где МАНДЕЛЬШТАМ проживал зимою этого года; что касается противуправительственной агитации, которую МАНДЕЛЬШТАМ ведет будто бы с местными жителями и лицами, прибывающими из Петербурга, то собрать об этом какие-либо сведения не представилось возможным. – В районе местности Мустамяки действительно проживает очень много евреев, не имеющих здесь права жительства, с чем местной полиции, ввиду ее малочисленности и изворотливости евреев, очень трудно бороться. – Сведения о том, что местные полицейские обер-констаблы ФЕОФАНОВ (а не ФЕЙСРАНОВ) и САВОЛАЙНЕН и констабль ВИКСТРЕМ будто бы покровительствуют этим евреям, причем последний будто бы исполняет различные поручения МАНДЕЛЬШТАМА, негласною проверкою подтвердить не удалось, и неблагоприятных сведений об этих полицейских чинах добыть негласным путем не удалось. —

Донося об изложенном, присовокупляю, что об этом мною вместе с сим сообщено Полковнику БАЗАРЕВСКОМУ.

Полковник Утгоф

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 161–161 об. Бланк: «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 31 Августа 1912 г. № 2708. Гор. Гельсингфорс. На № 103354». Пометы: сверху – «91593», штамп: «4 Сен. 1912», «16/д/9» и, в правом углу, штамп: «Особый Отдел. 4 Сент. 1912. Вход. № 26506»; в середине, над исходящим номером, штамп: «11 Сен. 1912», под исходящим номером – резолюции: «Запросить сведения» об имени, отчестве и звании Мандельштама. Еремин? 14/IX», «Предоставляется в ОО²⁷ Деп. для прописки. 12/IX Кур«очк»ин», еще ниже рукописная помета «122а т. 4/12» и еще ниже – «Не отмечено».

---

²⁷ Особый отдел.

«4»

Запрос Департамента полиции об установлении имени, отчества и звания Мандельштама от 19 сентября 1912 г.

Секретно

Начальнику Финляндского Жандармского Управления

*Департамент Полиции просит Ваше Высочоблагородие сообщить сведения об имени, отчестве и звании **Мандельштама**, упомянутого в Вашей записке от 31-го Августа сего года за № 2708.*

Вице-Директор С. Виссарионов²⁸

Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин

Начальник Отделения В. Курочкин²⁹

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 164. На листе бумаги, исх. № неразборчив, дата: «19 Сентября 1912», помета: «По 3 Отделению». Под обращением – «Отв. 30842».

«5»

Справка начальника Финляндского жандармского управления К.-Р. К. Утгофа Особому отделу Департамента полиции о Мандельштаме Иосифе Эмильевиче от 17 октября 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ (по Особому Отделу)

*По наведенным справкам оказалось, что имя и отчество **МАНДЕЛЬШТАМА** – Иосиф Эмильевич, сын С.Петербургского 2-й гильдии купца, проживает по паспорту Пристава 4-го участка Московской части С.-Петербургской столичной полиции от 28 июня 1911 года за № 315.*

Полковник Утгоф

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 165. Бланк: «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 17 Октября 1912 г. № 3404. Гор. Гельсингфорс. На № 106351». Помета: «108607» и штамп: «Особый Отдел. 18 Окт. 1912. Вх. № 30842». Поверх подписи: «Препровождаю «нрзб». 18/X». Поверх этой резолюции и самого письма, наискосок снизу вверх: «Предложить начальнику Финляндского управления выяснить его революционную деятельность, а

---

²⁸ Виссарионов Сергей Евлампиевич (1860–1918) – действительный статский советник, вице-директор Департамента полиции МВД. Будучи арестован после Февральской революции, дал обширные показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Был свидетелем на процессе провокатора Р.В. Малиновского в Верховном революционном трибунале (5 ноября 1918 г.). Расстрелян.

²⁹ Курочкин Владимир Васильевич – в службе с 1902 г. В 1912 г. – коллежский ассессор, старший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.

также имеет ли он право жительства в Финляндии, а начальнику» СПБ Охранного Отделения» о том, имеет ли право жительства в СПБ и нет ли у них сведений», подтверждающих сведения, изложенные в донесении Начальника ЖПУ Финляндских ж. д.», «4/XI. Исх. 108732–731», «Прошу составить на него справку. Еремин». Справа, по вертикали (снизу вверх): «Справки препровождаю». Внизу, в правом углу: «А/III/127. 912. Не отв.».

«6»

Справка на Мандельштама Иосифа Эмильевича по Центральному справочному алфавиту от 25 октября 1912 г.

СПРАВКА ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ СПРАВОЧНОМУ АЛФАВИТУ³⁰

Делопроизводство: *Особый Отдел III Отделения Вх. № 30842*

По каким Делопроизводствам и за какие годы требуется справка: *По Делу Розыскного Отделения: № 77693 25/X*

Фамилия: *Мандельштам*

Имя и отчество: *Иосиф Эмильевич*

Звание: *Сын СПб. 2-ой гильдии купца.*

Делопроизводства №№ дел №№ входящих бумаг *Особая* отметка

Справку навел Тарасов

25 Октября 1912 года

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 166. Бланк-формуляр «Справки по центральному справочному алфавиту». Вверху слева помета: «Немедленно», справа штамп: «В розыском алфавите 2-го делопроизводства сведений не имеется. 9/XI–12 г. Крохин». Слева снизу вверх: «Младший Помощник Делопроизводителя. Подпись», штамп слева: «Карточки на Мандельштама Иосифа Эмильевича в Фотографическом Бюро не имеется. 9/XI–1912. Подпись». Внизу в правом углу штамп, фиксирующий время поступления запроса, начало и конец работы по нему: «Принята: 12 ч.40 м.; Наведена: 12 ч. 50 м.; Сдана: 2 ч. 15 м.». В первом столбце номера делопроизводства Департамента полиции – с 1-го по 7-е и Особый отдел. Во втором номера дел: отметим, что только два из указанных шифров касаются непосредственно О.М. – 8-3/910 и само данное дело № 122 А, т. 4, тогда как в остальных делах речь идет о тезке и однофамильце поэта – Иосифе Менделевиче Мандельштаме, сыне Паневезжского второй гильдии купца, проживавшем в 1892 г. в Америке. В третьем столбце к О.М. имеет отношение документ № 14157/910, а также документы №№ 30842/912 и 26938/912 (см. документы 2 и 5).

---

³⁰ Центральный справочный алфавит Департамента полиции – картотека (к 1917 г. насчитывала около 2 млн. карточек!) на всех поданных Российской империи и иностранцев, так или иначе упомянутых в делопроизводстве Департамента. В настоящее время входит в состав справочных картотек фонда 102 ГАРФ.

⟨7⟩

Справка на Мандельштама Осипа Эмильевича от 9 ноября 1912 г.

Входящий №: 30892 СПРАВКА

Дело №: 127 – 1912 г. По Особому Отделу

- 1. Фамилия: МАНДЕЛЬШТАМ*
- 2. Имя: Осип*
- 3. Отчество: Эмильев*
- 4. Клички: Неизвѣстны*
- 5. Звание: Сын Петербургского купца.*
- 6. Год и место рождения: Сведения 1910 г. – 20 лет.*
- 7. Вероисповедание: Неизвѣстно*
- 8. Образовательный ценз: Неизвѣстен*
- 9. Семейное положение и родственные связи: Мать Флора Осиповна Мандельштам.*
- 10. Приметы и время их: Неизвѣстны*
- 11. Имеется ли фотография, где находится и год: нет*
- 12. Упоминается ли в Циркулярах Дѣпартамента Полиции: нет.*
- 1) Сведения о революционной деятельности:*
- 8–3–2-го Дѣлопроизводства 910 г.*

В Октябре месяце 1910 года на имя Директора Департамента Полиции поступило прошение жены Петербургского купца Флоры Осиповой Мандельштам, в коем она просила Директора телеграфировать Русскому Консулу в гор. Кенигсберге о том, чтобы он выдал сыну ея Осипу Эмильеву проходное свидетельство³¹. Кроме того, из этого прошения усматривается, что помянутый сын ея, 20 лет, невростеник, летом того же года находился на излечении в Финляндии, откуда водным путем проехал в Берлин, где Флора Мандельштам лежала на операции в клинике. Возвращаясь в Россию, Осип Мандельштам на границе был задержан как имевший просроченный паспорт, выданный С.Петербургским Градоначальником, причем последний, будто бы, отказал в ходатайстве Русского Консула в Кенигсберге разрешить Мандельштаму вернуться в Россию, не имея на это власти, а ее, Флору Мандельштам, направил в Департамент Полиции.

15 Октября 1910 года Департаментом Полиции была послана телеграмма Русскому Консулу в Кенигсберге о том, что со стороны Департамента не встречается препятствий в выдаче свидетельства на возвращение в Россию находившемуся в болезненном состоянии русскому подданному Осипу Эмильеву Мандельштаму, имевшему паспорт, выданный С.Петербургским Градоначальником, если в личности Мандельштама не встречается сомнений.

9 ноября 1912 года

---

³¹ См. прошение Ф.О. Мандельштам, матери О.М., Директору Департамента Полиции от 14 октября 1910 г. о пропуске в Россию из Кенигсберга О.Э. Мандельштама с просроченным паспортом (ГАРФ. Ф. Р-102. 2 д-во. 1910 г. Д. 8. Ч. 3. Л. 58, 58 об.).

*За Начальника Отделения: Угаров <?>
ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 170–170 об. Машинопись, отдельные
ответы (на вопросы №№ 4, 7, 8, 10–12) – рукой. Единственная помета –
неразборчивое слово сверху листа.*

«8»

**Письмо начальника Финляндского жандармского управления
К.-Р. К. Утгофа Особому отделу Департамента полиции о
Мандельштаме Иосифе Эмильевиче от 11 ноября 1912 г.**

Секретно

В Департамент Полиции по Особому Отделу

*Помощником моим по Выборгскому району 11 прошлого Октября был
командирован филер ЕФИМОВ³² для собирания сведений о МАНДЕЛЬШТАМЕ,
проживающем близ ст. Мустаямки (требование Департамента Полиции
за № 103354), о Софии ПЛЕВКО, проживающей в РАЙВОЛО³³ (запрос
Ломжинского Губернатора за № «пробел») и о личности писателя Микко
УОТИНЕНА³⁴, проживающего в Териоках³⁵ (отношение Отдельного Корпуса
Жандармов Ротмистра Сосновского³⁶ за № 829), при этом филером
израсходовано 40 м. 25 п. (15 руб. 9 к.).*

*Филером установлено, что имя и отчество МАНДЕЛЬШТАМА –
Иосиф Эмильевич, сын С.Петербургского купца 2 гильдии, проживает
по паспорту Пристава 4 участка Московской части от 28 июня 1911
г. за № 315; литератор Микко УОТИНЕН, бывший начальник Красной
Гвардии, занимается агитацией по панфинской пропаганде, произносит
зажигательные речи против ИМПЕРАТОРСКОГО правительства; София
ПЛЕВКО – брошена с четырьмя детьми мужем, хлопочет о выдаче ей
отдельного вида на жительство,*

*Номер, за которым препроводится в 3 Делопроизводство счет, будет
сообщен дополнительно.*

ПОЛКОВНИК Утгоф

*ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 180–180 об. Бланк «Начальник
Финляндского Жандармского Управления. 11 Ноября 1912 г. № 3699. Гор.
«Гельсингфорс». Пометы и штампы: «118408»: «Особый Отдел. 12 Нояб.
1912. Вход. № 33741», «Северный», «III/122a/m/11. И.П. Васильев?». Подп.
Сушков и Ватров. 12/XI».*

---

³² Филер Ефимов – унтер-офицер Финляндского жандармского управления.

³³ Дополнительными сведениями о ней не располагаем.

³⁴ Уотинен Микко (1885–1931) – финский писатель и публицист, жил в Териоках; в апреле 1918 г., после победы белых в Гражданской войне в Финляндии был назначен временным полицеймейстером Териокского района (см. запись в дневнике Л. Андреева от 21 апреля (4 мая) 1918 г. в кн.: Андреев Л. С.О.С. М.–СПб., 1994. С. 70).

³⁵ Райвола и Териоки – известные дачные места в Финляндии близ Петербурга (ныне Рощино и Зеленогорск).

³⁶ Сосновский Василий Васильевич (1880–?) – в службе с 1899 г., в Отдельном корпусе жандармов – с 1907 г. В 1912 г. – ротмистр в распоряжении петербургского градоначальника.

«9»

**Запрос Департамента полиции об установлении
революционной деятельности Мандельштама
Иосифа Эмильевича от 31 ноября 1912 г.**

Секретно

Начальнику Финляндского Жандармского Управления

14 ноября 1912

«Исх. № – «нрзб» 108730

По 3 Отделению

Вследствие записки от 17 Октября 1912 года за № 3404, Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие выяснить революционную деятельность Иосифа Эмильевича Мандельштама, а также уведомить – имеет ли названное лицо право жительства в Финляндии.

Вице-Директор С. Виссарионов

Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин

Начальник 3 Отделения С. Васильев³⁷, майор

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 181. На листе бумаги. Пометы: слева вверху: «30842», наискось: «Отв. 37185», штамп: «108730». Под обращением: «Усикир. 31/XI-12. А/109595».

«10»

**Запрос Департамента полиции в Санкт-Петербургское охранное
отделение об установлении революционной деятельности
Мандельштама Иосифа Эмильевича от 13 ноября 1912 г.**

Секретно.

Начальнику С.Петербургского Охранного Отделения.

13 ноября 1912

«Исх. № » 108731

По 3 Отделению

Вследствие записки Помощника Начальника Финляндского Жандармского Управления по Бьернеборскому пограничному району от 24 Июня 1912 года за № 39 на Ваше имя, Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие уведомить, имеет ли право жительства в С.Петербурге помянутый в означенной записке сын С.Петербургского купца Иосель Эмильев

---

³⁷ Васильев Сергей Дмитриевич – в службе с 1892 г. В 1912 г. – надворный советник, младший помощник делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.

Мандельштам и подтверждаются ли сведения, изложенные в означенной записке за № 39.

*Вице-Директор С. Виссарионов
Заведующий Особым Отделом, Полковник Еремин
Начальник 3 Отделения С. Васильев, майор
ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 182. Пометы: под обращением – «Отв. 35544», слева в середине: «В дело 122а, т. 4».*

«11»

Справка Санкт-Петербургского охранного отделения в Департамент полиции об отсутствии сведений о революционной деятельности Мандельштама Иосифа Эмильевича от 28 ноября 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Сын С.Петербургского купца Иосель Эмильев МАНДЕЛЬШТАМ, по распоряжению Охранного Отделения обыску и аресту не подвергался и к таковым предназначен не был.

Сведений, кроме изложенных в записке Помощника Начальника Финляндского Жандармского Управления по Бьернеборскому пограничному району, о происходивших будто бы летом текущего года в пансионах, расположенных близ станции Мустамяки, противоправительственных собраниях и об участии в них Мандельштама в качестве агитатора, в вверенное мне Отделение не поступало.

По имеющимся в Отделении сведениям, Иосель Мандельштам по своим убеждениям примыкает к Р.С.Д.Р.П., но активной работы не проявляет. В делах Отделения имеются сведения, что он в Ноябре 1907 года, будучи гимназистом 1-й С.Петербургской гимназии, был замечен в сношении с лицом, наблюдавшимся по военной боевой организации³⁸. О нем имеется циркуляр Департамента Полиции от 10-го марта 1909 года за № 151018/34, п.819, как о лице, потерявшем свой паспорт³⁹. Кроме того, по сообщению Начальника Тифлисского Губернского Жандармского Управления от 30-го Января 1910 года за № 1798, адрес Мандельштама обнаружен при обыске 15-го января 1910 года у студента Московского Университета, Михаила Михайловича КАРПОВИЧА⁴⁰, принадлежавшего к Тифлисской ученической организации

---

³⁸ Эти сведения, по-видимому, могут иметь касательство и к другому лицу, поскольку О.М. в 1-й гимназии не учился, а в ноябре 1907 г. находился в Париже. Тем не менее О.М. безусловно контактировал с лицами, имевшими то или иное отношение к социал-демократам (с тем же «репетитором русской революции» Сергеем Ивановичем Белявским, например – см. в примечаниях П. Нерлера к «Шуму времени» в кн.: Мандельштам О. Соч. в 2-х тт. М., 1990. Т. 2. С. 394–395). Еще более красноречивое свидетельство влияния идей марксизма на О.М. – глава «Эрфуртская программа» в том же «Шуме времени».

³⁹ Документация пока не обнаружена.

⁴⁰ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – русский историк, журналист и издатель. С Мандельштамом познакомился в декабре 1907 г. в Париже, где они часто встречались до отъезда Мандельштама в апреле 1908 г. (в 1909–1912 гг. эпизодически общались в Петербурге). См.: Карпович М. Мое знакомство с Мандельштамом // Даугава. Рига, 1988. № 2. С. 109–112.

партии социалистов-революционеров. За последнее время неблагоприятных сведений о нем не поступало.

Указаний о запрещении права жительства в столице названному Мандельштаму, в делах Отделения не имеется.

За Начальника Отделения,

Помощник его, Подполковник Покрошинский⁴¹

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 183–183 об. На бланке: «Начальник Отделения по Охранению Общественной Безопасности и Порядка в С.–Петербурге. По Району. 28 Ноября 1912 г. № 20177. На № 108731 По Особому Отделу (3-е Отделение)». Аббревиатура «Р.С.Д.Р.П.» подчеркнута адресатом. Штамп и помета: «Особый Отдел. 29 Нояб 1912 Вход. № 30544», «Представленные Г-осподином» заведующим» Особым» Отделом» ввиду?» резолюции?» 30842. 18/XII Нач. Подпись». Под ней еще помета: ««Нрзб» на № 109782. 1/XII. III/122а т. 4/12».

⟨12⟩

Справка Санкт-Петербургского охранного отделения в Особый отдел Департамента полиции о правомочии проживания Мандельштама Иосифа Эмильевича от 28 ноября 1912 г.

Секретно

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ по Особому Отделу.

По наведенным Помощником моим по Выборгскому району справкам оказалось, что Иосиф Эмильевич МАНДЕЛЬШТАМ, как крещеный еврей, пользуется правом жительства в Финляндии. В Октябре месяце сего года он выехал из селения Мустамяки неизвестно куда. – Сведений о его революционной деятельности, кроме упомянутых в донесении моем от 31-го Августа 1912 года за № 2708, добыть не представилось возможным.

Полковник Утгоф

ГАРФ. Ф. Р-102. Д. 122 А. Т. 4. Л. 184. Бланк «Начальник Финляндского Жандармского Управления. 12 Декабря 1912 г. № 4021. Гор. «Гельсингфорс». На № 108732». Слова «как крещеный еврей» подчеркнуты адресатом. Штамп и пометы: «130707», «Особый Отдел. 14 Дек. 1912. Вход. № 37185», «Препровождена Г. Зав. ОО «нрзб». 18/12. Нач. Отд. Курочкин. 122а т. 4/12».

---

⁴¹ Покрошинский Иван Телесфорович (1867–?) – подполковник, с 4 декабря 1908 г. – в резерве отдельного корпуса жандармов, в 1912 г. – помощник начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге.

Особый отдел Штаба Главнокомандующего Русской Армии (1920 г.): «Упадает основательное подозрение...»: Арест Осипа Мандельштама в Феодосии в 1920 году

1

Начнем немного издалека – с весны 1919 года, хотя бы с середины апреля, когда О.М. приехал в Киев в несколько неожиданной для себя официозной роли наркомпросовского эмиссара. Он был откомандирован из Москвы, где работал в Отделе реформы высшей школы в Наркомпросе, для работы в Театральном отделе Киевского Губнаробраза⁴². Вместе со своим средним братом (Шурой) и другим откомандированным – Рюриком Ивневым – он остановился в гостинице «Континенталь», раз или два читал свои стихи на вечерах.

Кульминацией его «эмиссарства», как, возможно, и всего большевистского присутствия в Киеве в 1919 году, стало карнавально яркое празднование Первомая.

Этот день, – быть может, самый важный и самый насыщенный в его жизни – сложился из трех разрозненных составляющих!

Утром – поход в Киево-Печерскую Лавру, впечатление – самое удручающее: «...Здесь та же “чрезвычайка”, только “навыворот”. Здесь нет “святости”»

Днем – собственно первомайские торжества и демонстрация на Софийской площади, где разместились не только собор и памятник Хмельницкому, но и цитадель советского правительства. Площадь, да и весь город стараниями добровольцев-авангардистов – художников, литераторов, артистов и музыкантов – изменились до неузнаваемости.

Через улицы тянулись полотнища с подобающими случаю лозунгами, наспех разрисованными студийцами и студийками Экстер (их развешивали и натягивали накануне ночью сами художники, врываясь – в сопровождении управдомов – в квартиры и со смехом будя их спящих и трясущихся от страха обитателей не хуже чекистов). На той же Софийской, рядом с конным, но все еще бронзовым гетманом поставили гипсовый обелиск в честь Октябрьской революции. Тут же, рядом, такие же гипсовые Ленин и Троцкий и еще узенькая фанерная «триумфальная арка», сквозь которую браво прогарцевали конные красноармейцы и опасно продефилировали пешие силы и все сознательные граждане. Арку огибала колонна открытых грузовиков, на которых артисты разыгрывали подходящие к случаю агитки – своего рода первый лав-парад в честь революции и солидарности трудящихся.

Гипс – этот податливый, но хрупкий и недолговечный материал – вобрал в себя всю хирургию и всю символику момента. На Крещатике – гипсовый же Карл Маркс, на Красноармейской – такой же Фридрих Энгельс, на Европейской площади – Тарас Шевченко (ну чем не «вождь революции»?), перед Оперой – Карл Либкнехт, на Контрактовой – Роза Люксембург, а возле завода «Арсенал» – Яков Свердлов, сраженный буржуазным сыпняком.

Но Мандельштама, стоявшего, скорее всего, на начальственной трибуне на Софийской, впечатлили не аляповатые фигуры-однодневки, а монументальные стены прекрасного собора. Он сказал тогда Ивневу, показывая на них: «*Поверьте, что все это переживет все*»⁴³

---

⁴² Губернский отдел народного образования.

⁴³ Рюриком Ивнев, 2008. С.123-126.

А вечером того же дня – отмечание дня рождения критика и переводчика Александра Дейча, одного из киевского «табунка» Н. М., в кафе «ХЛАМ» («Художники – Литераторы – Артисты – Музыканты»). Кафе размещалось в подвале той самой гостиницы «Континенталь», где жил О. М. Он спустился вниз и был немедленно приглашен присоединиться к «табунку», рассеянному за составленными столиками. За одним из столиков сидела и Надя Хазина, юная художница, вскидывавшая иногда в его сторону полные насмешливого любопытства карие глаза.

Мандельштама попросили почитать стихи – и поэт, обычно на публике капризный и заставляющий себя упрашивать, тут же и охотно согласился: *«Читал с закрытыми глазами, плыл по ритмам... Открывая глаза, смотрел только на Надю Х.»*⁴⁴ Смотрела на него и она – зрочки в зрочки, дерзко и загадочно улыбаясь...

Разгоряченные, они вышли на улицу (оба курили) – и за столики уже не вернулись. Всю ночь гуляли по притихшему после праздника городу, вышли по Крещатику на Владимирскую горку и, забыв о гипсовых идолах и о вполне осязаемых бандитах и страхах⁴⁵, кружили аллеями по-над Днепром, встречали рассвет над Турухановым островом. И, не умолкая, говорили – обо всем на свете. Словно бы предупреждая о возможных в сочетании с ним осложнениях, Мандельштам рассказывал Наде о Леониде Канегиссере, своем родственнике, убийце Урицкого, и о «гекатомбе трупов», которой на его теракт ответили большевики⁴⁶.

Пробирал холод, и мандельштамовский пиджак переключался на Надины плечи. Но со своей задачей не справлялся и как надо не грел. Не беда: через каждые сто метров парочка останавливалась – они обнимались, целовались, перешептывались...

Сама Н. М. вспоминала об этом так: *«В первый же вечер он появился в «Хламе», и мы легко и бездумно сошлись...»*⁴⁷ И в тот же день, 2 мая, – буквально на одном дыхании, что было так несвойственно для неторопливой мандельштамовской музыки, – была написана «Черепашка» – стихи ничем еще не потревоженного счастья, где *«...холодом повеяло высоким От выпукло-девического лба»* и где только *«мед, вино и молоко»*.

Сама дата 1 мая стала для них как бы сакральной и совершенно свободной от пролетарских коннотаций. О. М. вспоминал о ней, например, 23 февраля 1926 года, когда писал: *«Надюшок, 1 мая мы опять будем вместе в Киеве и пойдем на ту днепровскую гору тогдашнюю...»*⁴⁸

Вспоминали ее и в 38-м, в снежной западне в Саматихе, когда под самое утро 2 мая, ровно в 19-ю годовщину киевской «помолвки», их разбудили энкэвэдэшники и разлучили уже навсегда. *«Ночью в часы любви я ловила себя на мысли – а вдруг сейчас войдут и прервут? Так и случилось первого мая 1938 года, оставив после себя своеобразный след – смесь двух воспоминаний»* («Об Анне Ахматовой») Мандельштама, подталкивая в спину, увели, а все его бумаги покидали в мешок: *«Мы не успели ничего сказать друг другу – нас оборвали на полуслове и нам не дали проститься»*⁴⁹

... В Киеве Мандельштам провел тогда еще около трех недель. 10 мая они ходили в Соловцовский театр⁵⁰ на премьеру спектакля по пьесе Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»), поставленного Константином Марджановым (Марджанишвили). Угнетенные испанские средневековые женщины дружно восставали против своих угнетателей и насильни-

⁴⁴ Дейч А. Две дневниковые записи. Публ. Е. Дейч // Сохрани мою речь. Вып. 3. М., 2000. С. 146.

⁴⁵ Спустя полтора месяца, 14 июня, бандиты, например, застрелили А.А. Мурашко.

⁴⁶ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 428.

⁴⁷ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 21.

⁴⁸ Мандельштам О. Собр. соч. Т.4. М., 1997. С. 68-69.

⁴⁹ Мандельштам Н. Воспоминания. М., 1999. С. 427.

⁵⁰ Нынешний Театра им.Франко. См.: Рюрик Ивнев, 2008. С.125.

ков, а в самом конце, плотоядно поводя бедрами, ни с того, ни с сего кричали: «Вся власть советам!». Исаак Рабинович, один из лучших учеников Экстер, был сценографом спектакля, а Надя Хазина одной из двух его ассистенток⁵¹. После представления на поклоны выходили и они, вкушая свою толику успеха – оглушительные аплодисменты и вороха дешевых киевских роз. Свой букетик из рук О. М. получила и Надя.

Не позднее 21 мая – и все в том же сопровождении – О. М. возвращается в столичный Харьков, где хлопочет о командировке в Крым⁵². Вскоре, однако, возвращается – вдвоем с Шурой – в Киев, где они продолжают жить в «Континентале». После того как их оттуда вежливо попросили, братьев приютил кабинет Я.А. Хазина⁵³.

Но в конце августа братья снова покинули Киев: с артистическим вагоном доехали до Харькова, оттуда – в Ростов и оттуда, наконец, в Крым. На прощанье Н. М. подарила О. М. свою фотографию с надписью: «На память о будущей встрече»⁵⁴.

Встреча эта, по плану, намечалась еще в Харькове, куда Н. М. должна была приехать в обществе Эренбургов. Плану, однако, не было суждено осуществиться, так что встреча, хотя и состоялась, но с порядочным опозданием – приблизительно в полтора года.

Они часто писали друг другу, но сохранилось только четыре письма Н. М.⁵⁵ В них она называет О. М. «братиком», «дружком» и «донец». В сентябре она все еще ищет okazию в Харьков или Крым и все ждет от «дони» телеграмму. Он и отправил ее 18 сентября, но пришла она только... 13 октября: все имевшиеся okazии были упущены.

На самом деле она и не хочет никуда уезжать – и то зовет его к себе в Киев, то, описывая киевские трудности, отговаривает его от этого и тут же, через строчку, снова зовет.

А Мандельштама ждала его причерноморская одиссея – с двумя арестами – в Феодосии и Батуме, с обретением старых и новых друзей – и врагов, и с новыми стихотворениями:

*Недалеко до Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.*

---

⁵¹ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С.19-20.

⁵² Рюрик Ивнев, 2008. С.132 (запись за 22 мая 1919 г.).

⁵³ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 26.

⁵⁴ Дутли Р. "Век мой, зверь мой..." Осип Мандельштам. Биография. СПб., СПб., 2005. С. 125-134.

⁵⁵ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем / Сост.: А.Г. Мец. Т.3. М., 2011. С.604-606.

2

...Не позднее 11 или 17 сентября 1919 года Осип Мандельштам вместе с братом Александром прибыли из Харькова в Крым. Живя попеременно то в Феодосии, то в Коктебеле, они провели здесь около года.

Ко времени их приезда Крымская Советская Социалистическая Республика уже пала под натиском Добровольческой армии. Была восстановлена Таврическая губерния⁵⁶, позднее вошедшая в Новороссийскую область. Приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина Главноначальствующим Таврической губернии был назначен генерал-лейтенант Н.Н. Шиллинг, но фактическим правителем Крыма был генерал-майор Я.А. Слащев – он же «воспетый» Булгаковым Хлудов. Жители Крыма на себе могли испытать и сравнить все «прелести» красного и белого режимов⁵⁷.

*Пусть каждый окровавлен день
И смерть гребет рукою жадной,
Но у домов в тени прохладной
Влюбленным продают сирень.*

Это строки Вениамина Бабаджана, напечатанные в альманахе «Ковчег» (Феодосия, 1920), – поэта, расстрелянного красными еще в том же году⁵⁸.

В Феодосии же и Коктебеле, как обычно, собралась пестрая литературная компания, – привычная смесь «местных», как Волошин или Вересаев, и приезжих. Сам Волошин вернулся в Коктебель только 20 июля (он был в Екатеринодаре). В августе компанию ему составили Дмитрий Благой с женой, Майя Кудашева, Евгений Ланн и Андрей Соболев, а в октябре – Владимир Вересаев и О.М. с братом.

Но была в этой старой компании одна новая особенность: гости оседали здесь не на недели, как обычно, а на месяцы и годы. Гражданская война загнала их сюда – кого по убеждениям, кого по отсутствию оных, и к их кружку примкнули интеллигенты из военных, наподобие Цыгальского или Новинского⁵⁹. Наезжал из Керчи еще один бывший красный «комиссар» – поэт Георгий Шенгели⁶⁰.

Центром всей этой жизни был ФЛАК – Феодосийский литературно-артистический кружок. Местная периодика не скупилась на заметки о его деятельности. Вещественными следами деятельности ФЛАКа стали его издания – журнал «К искусству»⁶¹ и альманах «Ковчег».

Одним из активистов кружка стал двадцатилетний Эмилий Львович Миндлин. Жил он в Феодосии по Екатерининскому проспекту, дача Воод, квартира Чудновского. В своих «Необыкновенных собеседниках» он пишет, что из родного Александровска (Запорожья), сто-

---

⁵⁶ В ее состав, как и прежде, были включены Бердянский, Мелитопольский и Днепровский уезды.

⁵⁷ См. подробнее об этом периоде: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С.210–322; Зарубин В.Г. Гражданская война // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 456–469.

⁵⁸ Гардзонио, 1998.

⁵⁹ См. о них ниже.

⁶⁰ Весной 1919 г. Шенгели командировали из Харькова «комиссаром искусств» в Севастополь, но летом Крым был захвачен Врангелем, и ему, с фальшивым паспортом, пришлось скрываться – сначала в родной Керчи, а потом в Одессе, где он провел около двух лет (Шенгели Г. Автобиографическая проза. Предисл., публ. и примеч. К.Ю. Постоутенко // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.–СПб., 1994. С. 376–377).

⁶¹ Известен только второй его номер, вышедший 10 ноября 1919 г. Первый номер – по свидетельству Э. Миндлина, с текстами О.М., М. Цветаевой и многих других – вышел в августе 1919 г., но так и не разыскан (Купченко В.П. Литературная Феодосия в 1920 году. По материалам газеты «Крымская мысль» // De visu. 1994. № 3–4. С. 82).

навшего то под белыми, то под Махно, он истово рвался в Москву, но, прибыв в Феодосию в августе или самом начале сентября 1919 года, когда уже и Крым побелел, так и застрял здесь – дожидаясь и дождавшись прихода Красной армии.

21 сентября – «лежа на берегу чудесного лазурного моря, купаясь в лучах южного солнца, в нераздельной группе безработных поэтов» – Миндлин писал своему доброму знакомому, поэту-футуристу и крупному домовладельцу Владимиру Сидорову (он же Вадим Баян):

Поэтами и литераторами Крым полон. И неоднократно наша богема в Феодосии жалела о том, что Вас нет здесь. Макс. Волошин, Георгий Шенгели, Дмитрий Благой, Андрей Соболев, В.В. Вересаев, Осип Мандельштам, П. Соловьева-Аллегро – общество во всяком случае интересное и в большинстве своем проникнутое утонченными настроениями нашей новейшей поэзии, экзотической красотой современных устремлений возрождающегося человеческого духа... Привет Вам от этих поэтов, гордо несущих Я своего творчества через гуцу господствующего мещанства. <...> Среди этих людей не так сильно чувствуется, что где-то еще льется кровь, где-то гремят пушки и что нет еще свободной России, но мы верим горячо в ее великое будущее и свои способности и дарования будем счастливы отдать ей, посвятить созданию ее культуры, ее искусству...

Далее шли сетования на то, что, несмотря на наличие таких светлых сил и возвышенных устремлений, направленных скорее против существующих властей, эти самые «власти не дают бумагу, сейчас военная диктатура и поэзии пока запрещается показывать нос... Волошин, правда, артачится, бесится, выгнал от себя одного офицера за оскорбление собравшихся поэтов... Он и теперь под подозрением у властей».

Затем Эмилий Львович придает дружному возлежанию на гальке несколько неожиданное и романтическое звучание и значение:

На берегу моря – мы готовим новую Революцию, Революцию поэтов, <...> интеллектуальную Революцию и куем оружие более сильное, чем пушки! Наш лозунг – вся власть поэтам! Когда придет новая весна – зацветут цветы нашей первой победы. Впрочем, мы не теряем надежды получить бумагу и всё же издать что-нибудь. Может быть, сборник, а может быть и периодический журнал.⁶²

Так, покружив над столь неожиданно преисполнившимся революционности пляжем, двадцатилетний певец с головокружительных высот ловко спускается на землю и вместо скандирования лозунгов о чуть ли не «диктатуре поэзии» требует от эксплуататорского класса бесплатных «средств производства»!

Разделял ли О.М. такой поэтический экстремизм – неизвестно, хотя и собственный его революционный романтизм, в частности, в стихотворении «Актер и рабочий», никак не может быть проигнорирован.

Но печатался он охотно и от гонораров никогда не отказывался. Так что бумагу, видимо, белые все-таки дали.

---

⁶² Гардзонио, 1998. С. 484–485.

3

5 декабря 1919 года, воспользовался неожиданной оказией, О.М. попробовал написать в Киев, Надежде Хазиной:

Дитя мое милое!

Нет почти никакой надежды, что это письмо дойдет. Завтра едет «в Киев» через Одессу Колачевский. Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто как Божий день. Ты мне сделалась до того родной, что всё время я говорю с тобой, зову тебя, жалеюсь тебе. Обо всем, обо всем могу сказать только тебе. Радость моя бедная! Ты для мамы своей «кинечка» и для меня такая же «кинечка». Я радуюсь и Бога благодарю за то, что он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело...

Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик – всё мне памятно, ничего не забыл...

Прости мне мою слабость и что я не всегда умел показать, как я тебя люблю.

Надюша! Если бы сейчас ты объявилась здесь – я бы от радости заплакал. Звереньи мой, прости меня! Дай лобик твой поцеловать – выпуклый детский лобик! Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой слышу в тишине.

Вчера я мысленно, непроизвольно сказал «за тебя»: «Я должна (вместо “должен”) его найти», т. е. ты через меня сказала...

Мы с тобою как дети – не ищем важных слов, а говорим что придется.

Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, сама того не зная – голубка моя – «бессмертной нежностью своей»...

Наденька! Я письма получил четыре сразу, в один день, только нынче... Телеграфировал много раз: звал.

Теперь отсюда один путь открыт: Одесса; всё ближе к Киеву. Выезжаю на днях. Адрес: Одесский Листок, Мочульскому. Из Одессы, может, проберусь: как-нибудь, как-нибудь дотянусь...

Я уже 5 недель в Феодосии. Шура всё время со мной. Был Паня. Уехал в Евпаторию. В Астории живет Катюша Гинзбург. В городе есть один экземпляр «Крокодила»!! А также Мордкин и Фроман. (Холодно. Темно. «Фонтан». Спекулянты.) Не могу себе простить, что уехал без тебя. До свиданья, друг! Да хранит тебя Бог! Детка моя! До свиданья!

Твой О.М.: «уродец».

Колачевский едет обратно. Умоляю его взять тебя до Одессы. Пользуйся случаем!!⁶³

---

⁶³ В письме имеется приписка Александра Эмильевича: «Милая Надежда Яковлевна! Шлю Вам сердечный привет, братец Н...» (Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 24–25).

Какие четыре письма от Надюши получил О.М. в начале декабря и каким образом эти письма прорвались через все кордоны Гражданской войны, мы не знаем и не узнаем.

Намерение же выехать в Одессу и пробраться через нее в Киев, однако, не осуществилось.

4

Зимой 1919/1920 года (точнее, к сожалению, мы не знаем) братья Мандельштамы переехали из Феодосии в Коктебель и поселились на даче И.П. Харламова.

Тогда-то и состоялась первая попытка арестовать О.М., причем, не слишком достоверная. Сообщает о ней единственно Максимилиан Волошин, причем в «Воспоминаниях», написанных в апреле 1932 года. Относиться к этим свидетельствам приходится с особой осторожностью: и не потому, что у Волошина, находившегося в многолетней ссоре с О.М., были причины выставить его в невыгодном свете, и даже не потому, что бес мистификации был ему, мягко говоря, не чужд. Просто потому, что в других частях воспоминаний Волошина определенно подвела как минимум память: так, описание Флоры Осиповны Вербловской, матери О.М., на приеме у Изабеллы Афанасьевны Венгеровой⁶⁴ настолько разительно расходится с другими ее описаниями, что один из мандельштамоведов в качестве снимающей противоречия гипотезы выдвинул догадку, что то была вовсе не мать, а бабушка О.М.!

Вот как описывает Волошин эту первую попытку ареста:

Однажды Мандельштам вошел ко мне очень взволнованный.

«Макс Александрович, сейчас за мной пришел какой-то казацкий есаул и хочет меня арестовать. Пойдемте со мной. Я боюсь исчезнуть неизвестно куда. Вы знаете, как белые относятся к евреям».

Мы с ним пошли на дачу Харламова, где он занимал комнату вместе с братом. У них сидел, действительно, пьяный казацкий есаул в страшной кавказской папахе и, поводя мутными глазами, говорил: «Так что, я нахожу, что у Вас бумаги не в порядке, и я Вас арестую». Этот есаул откуда-то свалился в деревню Коктебель и пил безвыходно несколько дней, а потом, спохватившись, нашелся: «Есть ли у Вас в Коктебеле жида?» Крестьяне очень предупредительно ответили: «Как же – двое есть – у моря живут всю зиму – братья Мандельштамы».

Есаул тотчас же отправился к ним делать обыск. Он сидел посреди комнаты, икал во все стороны и рассматривал книги, случайно попавшие ему в руки.

«А это Евангелие, моя любимая книга – я никогда с ним не расстаюсь», – говорил Мандельштам взволнованным голосом и вдруг вспомнил о моем присутствии и поспешил меня представить есаулу. «А это Волошин – местный дачевладелец. Знаете что? – Арестуйте лучше его, чем меня». Это он говорил в полном забвении чувств. На есаула это подействовало, и он сказал: «Хорошо. Я Вас арестую, если Мандельштам завтра не явится в Феодосию в 10 часов утра». Учреждением, куда должны были явиться братья Мандельштам (не помню, как оно называлось), было учреждение, которым заведовал полковник Цыгальский – поэт и поклонник Мандельштама.

Сам Осип Эмилевич находился в таком забвении чувств, что, вернувшись к нам в дом, обнаружил у себя в руке ключ от Майиной комнаты, который бессознательно зажал у себя в руке.⁶⁵

---

⁶⁴ Волошин М. Воспоминания // Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7, кн. 2. М., 2008. С. 422.

⁶⁵ Там же. С. 423–424.

Возможно, роль полковника Александра Викторовича Цыгальского⁶⁶ в спасении О.М. была именно такой, как пишет Волошин, но вот учреждение, в котором тот служил – школа юнкеров, где он преподавал артиллерийское дело – никак не могло быть местом для каких-либо следственных действий. Шаржированным и потому не слишком правдоподобным выглядит и параллелизм: «А это *Евангелие*... А это Волошин...». Да и зажатый в руке ключ от комнаты Майи Кудашевой – скорее всего, из другого эпизода воспоминаний Волошина, где никакого есаула и в помине не было...

---

⁶⁶ О военном инженере и поэте А.В. Цыгальском (1874–1941, Лин, Массачусетс, США) см. в очерке О.М. «Бармы закона» из цикла «Феодосия» в «Египетской марке»: Полковник Цыгальский нянчил сестру, слабоумную и плачущую, и больного орла, жалкого, слепого, с перебитыми лапами, – орла Добровольческой армии. В одном углу его жилища как бы незримо копошился под шипенье примуса эмблематический орел, в другом, кутаясь в шинель или в пуховый платок, жалась сестра, похожая на сумасшедшую гадалку. Запасные лаковые сапоги просились не в Москву, молодцами-скороходами, а скорее на базар. Цыгальский создан был, чтобы кого-нибудь нянчить и особенно беречь чей-нибудь сон. И он, и сестра похожи были на слепых, но в зрачках полковника, светившихся агатовой чернотой и женской добротой, застоялась темная решимость поводыря, а у сестры только коровий испуг. <...> Однажды, стесняясь своего голоса, примуса, сестры, непроданных лаковых сапог и дурного табаку, он прочел стихи. Там было неловкое выражение: «Мне всё равно, с царем или без трону», и еще пожеланье о том, какой нужна ему Россия: «Увенчанная бармами закона», и прочее, напомнившее мне почерневшую от дождя Фемиду на петербургском Сенате. «Чьи это стихи?» – «Мои».

5

В середине 20-х чисел июля 1920 года Волошин из Коктебеля написал своему давнему знакомому – начальнику Феодосийского порта капитану 2-го ранга Александру Александровичу Новинскому (1878–1960, Лос-Анджелес). Знал его, кстати, и О.М., посвятивший Новинскому очерк «Начальник порта» из цикла «Феодосия» в «Египетской марке», где он аттестуется «добрым меценатом», «морским котенком в пробковом тропическом шлеме», «человеком, который, сладко зажмурившись, глядел в лицо истории, отвечая на дерзкие ее выходки нежным мурлыканьем», но при этом «морским божеством города и по-своему Нептуном», «начальником моря», «покровителем купцов, вдохновителем таможни и биржевого фонтана», «коньячным, ниточным, валютным, одним словом, гражданским морским богом».

В письме Волошин просит о присылке прописанного доктором лекарства и о содействии в возвращении книги О.М. «Камень», якобы украденной его средним братом Александром⁶⁷. Но поскольку выяснилось, продолжает Волошин, что Любовь Михайловна Эренбург, которой О.М. переподал этот «Камень», собирается вернуть книгу владельцу, и инцидент тем самым как будто исчерпан, свою вторую просьбу в приписке к тому же письму он снимает.

Во «Второй книге» Н.М. представила это письмо как донос на О.М.⁶⁸, что действительно всё же не соответствует. Пришло оно за совместным завтраком Новинского с О.М., и Новинский имел неосторожность прочесть его целиком или процитировать Мандельштаму. Чем спровоцировал негодующее письмо самого О.М. Волошину, написанное 15 (28 по новому стилю) июля 1920 года:

Милостивый государь!

Я с удовольствием убедился в том, что вы толстым слоем духовного жира, простодушно принимаемого многими за утонченную эстетическую культуру, – скрываете непроходимый кретинизм и хамство коктебельского болгарина. Вы позволяете себе в письмах к общим знакомым утверждать, что я «давно уже обкрадываю вашу библиотеку» и, между прочим, «украл» у вас Данта, в чем «сам сознался», и «выкрал у вас через брата свою книгу».

Весьма сожалею, что вы вне пределов досягаемости и я не имею случая лично назвать вас мерзавцем и клеветником.

Нужно быть идиотом, чтобы предположить, что меня интересует вопрос, обладаете ли вы моей книгой. Только сегодня я вспомнил, что она у вас была.

Из всего вашего гнусного маниакального бреда верно только то, что благодаря мне вы лишились Данта: я имел несчастье потерять 3 года назад одну вашу книгу.

Но еще большее несчастье вообще быть с вами знакомым.

*О. Мандельштам*⁶⁹

Копию этого письма О.М. отправил еще и Эренбургу, тем самым сознательно придав «инциденту» публичность. После чего и сам Волошин предал это несомненно уязвившее его

⁶⁷ Купченко, 1991. С. 178–179. К вопросу о точности мемуаров Волошина: в 1932 г. он сообщал, что непосредственным похитителем «Камня» был Эренбург (Волошин М.А. Собр. соч. Т. 7, кн. 2. М., 2008. С. 425).

⁶⁸ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 92–93.

⁶⁹ Мандельштам О. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1997. С. 26–27 (с неточной датой), со ссылкой на ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Д. 818. Л. 10–11. Благодарим А.В. Лаврова за уточняющую сверку.

письмо огласке. На ближайшей же после получения письма читке своих стихов он язвительно объяснил слушателям всю подоплеку своей ссоры с О.М. и зачитал его письмо как образец «ругательного» стиля⁷⁰.

Мандельштам же с братом в это время находился в Феодосии – в ожидании транспорта на Батум. И уже в порту, чуть ли не при посадке, – О.М. арестовали! Причиной, согласно И.Г. Эренбургу, послужило то, что какая-то женщина заявила, что О.М. служил у красных и пытал ее в Одессе!⁷¹

Мандельштам, согласно Волошину, «обезумел от ужаса, как тогда, при инциденте с есаулом, и, будучи введенным в тюрьму, робким шепотом спросил у офицера: “А что, у Вас **невинных** иногда отпускают?”»⁷²

В ответ, согласно легенде, последовало: «Сначала лишаем невинности, а потом отпускаем». «Когда его заперли в одиночку, он начал стучать в дверь, а на вопрос надзирателя, что ему нужно, ответил: “Вы должны меня выпустить – я не создан для тюрьмы...”»⁷³. После чего О.М. перевели в психиатрическое отделение тюремной больницы⁷⁴.

Александр Мандельштам, брат О.М., арестован не был. Он-то и сообщил незамедлительно об аресте в Коктебель, надеясь на помощь находившихся там Эренбурга и других писателей, но прежде всего – на помощь Волошина. Тот, однако, был в ссоре с О.М. Первая две попытки уговорить Волошина, предпринятые княгиней Майей Кудашевой и Эмилием Миндлиным, окончились неудачей. Третьим пошел сам Эренбург, также находившийся в ссоре с Волошиным. Но последний искал примирения, – так что уговаривать Волошина вообще не пришлось⁷⁵.

Сам Волошин вспоминал об этом в 1932 году так:

*Тогда все друзья Мандельштама стали меня уговаривать, что я **должен** за него заступиться. Раньше я мог делать или не делать. Это было в моей воле. А теперь (после того, как он мне написал ругательное письмо), я **обязан** ему помочь. Напрасно я им доказывал, что сейчас не могу ехать в Феодосию, так как у меня болит рука и я никого из влиятельных лиц в Добр^ольческой армии не знаю.*

В конце концов было решено: я напишу под диктовку письмо начальнику Контр-разведки, которого я в глаза не видел («но он твое имя знает...») и только подпишусь. Я продиктовал такое письмо:

«Милостивый Государь! До слуха моего дошло, что на днях арестован подведомственными Вам чинами – поэт Иосиф Мандельштам. Так как Вы, по должности, Вами занимаемой не обязаны знать русской поэзии и вовсе не слышали имени поэта Мандельштама и его заслуг в области русской лирики, то считаем своим долгом предупредить Вас, что он занимает в русской поэзии очень крупное и славное место. Кроме того, он человек крайне панический и, в случае, если под влиянием перепуга, способен на всякие безумства. И, в конце концов, если что-нибудь с ним случится, – Вы перед русской читающей публикой будете ответственны за его судьбу. Сколько верны дошедшие до меня слухи – я не знаю. Мне говорили, что Мандельштам

⁷⁰ Купченко, 1991. С. 180, со ссылкой на ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 445.

⁷¹ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Т. 1. М., 1990. С. 146.

⁷² Волошин М. Воспоминания // Максимилиан Волошин. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 426. Согласно Эренбургу, О.М. произнес эту фразу несколько позже – на допросе.

⁷³ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах. Т. 1. М., 1990. С.308.

⁷⁴ Купченко В.П. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1997. С. 296.

⁷⁵ Миндлин, 1979. С. 34.

*обвиняется в службе у большевиков. В этом отношении я могу Вас успокоить вполне: Мандельштам ни к какой службе вообще не способен, а также и к политическим убеждениям: этим он никогда в жизни не страдал».*⁷⁶

Письмо поехали вручать Майя Кудашева, поэтесса и вдова погибшего в бою офицера белой армии, а также В.В. Вересаев и А.В. Цыгальский. Завершим цитату из Волошина:

Начальник Контр-разведки, получив карточку: «Княгиня Кудашева», принял Майю очень любезно, прочитал письмо про себя, восклицая: «А кто же такой Волошин? Почему же он мне так пишет?»

*– «Поэт... Он со всеми так разговаривает...», – отвечала Майя высоким и наивным голосом. Письмо нарочно было написано в таком духе: оно было корректно, но на самом лезвии. Оно звучало как личное оскорбление и по этому запоминалось. Это был обычный тон моих отношений с Добровольческой армией». Начальник контрразведки очень недовольным жестом сложил бумагу и сунул в боковой карман. И на другой день велел отпустить Мандельштама.*⁷⁷

Не будучи вполне уверенным в успехе хлопот по освобождению О.М. непосредственно в Феодосии, Волошин предпринял и другие шаги. Так, сохранился недатированный черновик его письма П.Б. Струве, начальнику управления внешних сношений Совета начальников управлений при Главнокомандующем Русской армией (Правителе Юга России) П.Н. Врангеле⁷⁸, где Волошин сообщает о том, что О.М. арестован уже две недели назад. Считая обвинение О.М. в большевизме совершенно нелепым, Волошин просит освободить его на поруки или хотя бы ускорить производство следствия⁷⁹.

Волошин, впрочем, был не единственным писателем, вступившимся за О.М. По словам Миндлина, А.Т. Аверченко также посылал из Севастополя телеграмму с просьбой вмешаться в судьбу арестованного: «Аверченко подтвердил телеграммой, что хорошо знает Мандельштама как замечательного поэта, знаком с ним по Петрограду, и ходатайствовал об освобождении поэта, далекого от всякой политики»⁸⁰.

Свою версию освобождения О.М. из тюрьмы излагает и Надежда Яковлевна:

*На самом деле было так: до Коктебеля дошел слух об аресте Мандельштама, случившемся перед самым отъездом в Грузию... Эренбург бросился к Волошину и с огромным трудом заставил его сдвинуться с места и поехать в Феодосию, чтобы спасти арестованного. В те годы, как и потом, впрочем, ничего не стоило отправить на тот свет случайно попавшегося человека. Связи у Волошина были огромные: он был местной достопримечательностью. Волошин проканителел несколько дней, а когда он явился в Феодосию, Мандельштама уже выпустили на свободу. Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому... Что же касается до Волошина, я думаю, что <...> вернувшись, он просто сказал Эренбургу, что Мандельштам выпущен, а Эренбург решил, что вытащил его Волошин.*⁸¹

---

⁷⁶ Волошин М. Воспоминания // Максимилиан Волошин. Собр. соч. Т. 7. Кн. 2. М., 2008. С. 426–427.

⁷⁷ Там же. С. 427.

⁷⁸ 4 апреля 1920 г. генерал-лейтенант и барон П.Н. Врангель сменил А.И. Деникина на посту Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (с 19 августа – Правитель Юга России). Соответственно, и Вооруженные силы Юга России были переименованы в Русскую армию.

⁷⁹ Купченко В.П. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. С. 297.

⁸⁰ Миндлин, 1979. С. 32. Миндлин, правда, не помнил, пришла ли телеграмма Аверченко до или после освобождения О.М.

⁸¹ Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 94–95.

Версия вдовы О.М. существенно отличается от версии Эренбурга, Миндлина и Волошина. В 1990-е гг. симферопольский историк Вячеслав Зарубин обнаружил в Государственном архиве Автономной Республики Крым (ГААРК) в фонде прокурора Симферопольского окружного суда небольшое дело – «Переписка о Мандельштаме, обвиненного в большевизме» (так в подлиннике).

Эта «Переписка» состоит из двух постановлений, направленных для сведения товарищу прокурора Симферопольского окружного суда по Феодосийскому участку И.Н. Астафьеву, в прошлом жандармскому полковнику. Они позволяют определить точные даты нахождения О.М. под стражей в Феодосии и уточнить существо предъявленного ему официального обвинения⁸².

Согласно первому постановлению, О.М. арестовали 22 июля (по старому стилю, или 4 августа по новому) 1920 года – по обвинению в принадлежности к партии большевиков. Согласно второму – его освободили из-под стражи 1/14 августа в связи с тем, что эти подозрения не подтвердились. В сущности, это всё, что содержат в себе постановления.

---

⁸² Первым обнаружил и опубликовал эти документы историк из Симферополя В.Г. Зарубин. См. его публикации: «...Из-под стражи освободить», или приключение Мандельштама в Крыму // Таврические ведомости. Симферополь, 1993. 8 окт. С. 3; К вопросу об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму (По материалам Центрального Государственного Архива Крыма) // Русская культура и Восток: Материалы III Крымских Пушкинских чтений. – 13–19 сентября 1993 г. – Бахчисарай. Симферополь. 1993. С. 78; Об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму (1920 г.) // Крымский контекст. Симферополь. 1996. № 4. С. 71–72; Об аресте О.Э. Мандельштама в Крыму в 1920 г. // Евреи Крыма. Очерки истории. Москва–Иерусалим. 1997. С. 86–89. До публикаций Зарубина циркулировало неточное имя следователя: Апостолов.

Документы

«1»

Постановление начальника Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего Русской армии полковника Астафьева от 4 августа 1920 года об аресте Иосифа Мандельштама в связи с подозрением его в принадлежности к коммунистической партии

Копия № 1397

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1920 года июля 22 дня в г. Феодосии я, Начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего В.С.Ю.Р.⁸³, Полковник АСТАФЬЕВ, имея в виду, что на задержанного Иосифа МАНДЕЛЬШТАМА упадет основательное подозрение в принадлежности его к партии коммунистов-большевиков, руководствуясь § 4 Раздела I Правил производства расследований чинами К.Р.⁸⁴

ПОСТАНОВИЛ:

впредь до выяснения всех обстоятельств дела подвергнуть названного МАНДЕЛЬШТАМА личному предварительному задержанию в Феодосийской тюрьме, о чем ему объявить.

Подлинное подписал Начальник Феодосийского Наблюдательного пункта Полковник Астафьев

С подлинным верно, Помощник Начальника пункта

Подполковник *Подпись*

ГААРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1367. Л. 2. Машинописная копия.

---

⁸³ Словоупотребление ВСЮР (Вооруженные силы Юга России) в документе – скорее всего своеобразная дань традиции. В июле 1920 г. Врангель возглавлял Русскую армию, и ВСЮР как таковых уже не существовало.

⁸⁴ Контрразведки.

⟨2⟩

**Постановление начальника Феодосийского Наблюдательного
Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего Русской
армии полковника Астафьева от 14 августа 1920 года об
освобождении из-под стражи Иосифа Мандельштама в
связи с неподтвержденностью подозрений в его адрес**

Копия № 1553

Секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1920 года августа 1-го дня в г. Феодосия я, Начальник Феодосийского Наблюдательного Пункта Особого Отдела Штаба Главнокомандующего В. С. Ю. Р., полковник АСТАФЬЕВ, рассмотрев расследование произведенное в отношении Иосифа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА, возникшее по павшему на него подозрению в принадлежности к партии большевиков-коммунистов и в участии его в деятельности чрезвычайной комиссии этой партии в г. Феодосии, НАШЕЛ: произведенными расследованиями и опросами по делу подозрение это подтверждения не получило, а потому и, принимая во внимание заключение Товарища Прокурора Симферопольского Окружного Суда по Феодосийскому участку, изложенное в сношении от 31-го июля с. г. за № 860, ПОСТАНОВИЛ: Иосифа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА из под стражи освободить а расследование о нем препроводить в Особый Отдел при штабе Главнокомандующего.

Подлинное подписал

Полковник Астафьев

(Надпись от руки): С подлинным верно

Обер-офицер для поручений Подпоручик *Подпись*

*ГААРК. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1367. Л. 1–1об. Заверенная машинописная копия.
Орфография источника.*

Особый отряд Штаба Чрезвычайного комиссара Батума и Батумской области (1920 г.): Карантин. Об аресте Осипа Мандельштама в Батуме в 1920 году

1

Первое очное знакомство О.М. с Грузией состоялось в августе 1920 года в Батуме. Как и при каких обстоятельствах – об этом ниже. Но Грузия, грузинская тема вошла в его стихи значительно раньше – по крайней мере, осенью 1916 года.

Именно так датировано стихотворение О.М. «Я потеряла нежную камею...», впервые напечатанное в харьковском журнале «Камена» (1918, № 1) и включавшееся затем в сборники «Tristia» (1922) и «Камень» (1923). В предпоследней его строке мы встречаемся с некой Тинатиной: «Я Тинатину смуглую жалею...» Кто она, эта Тинатина, эта прекрасная грузинка? Н.И. Харджиев, ссылаясь на В.М. Жирмунского, сообщает, что имеется в виду Тинатина Джордждзе⁸⁵ – дочь офицера русской службы Давида Джордждзе⁸⁶, которая была замужем за Таневым (братом знаменитой Вырубовой) и умерла в эмиграции в Париже.

Декабром 1916 года помечены и стихи О.М. «Соломинка»⁸⁷. Эта «двойчатка» (термин Н.М.) обращена к другой грузинской знакомой поэта – Саломее Николаевне Андрониковой (Андроникашвили, в замужестве – Гальперн), с 1900 по 1919 год жившей вместе с отцом в Петербурге. В 1916 году ей было 28 лет, О.М. – 26⁸⁸. Влюбленный поэт сравнивает ее в стихах с героинями Эдгара По (Лигейя, Ленор) и Бальзака (Серафита). В другом посвященном ей стихотворении 1916 года («Мадригал») О.М. обыгрывает семейную легенду о происхождении княжеского рода Андроникашвили от достославного византийского императора⁸⁹.

Заочными «встречами» О.М. с Грузией можно считать и некоторые прижизненные публикации его стихов или статей в Грузии – публикации, о которых он сам, возможно, и не подозревал. Так, в 1919 году – почти что за год до первого приезда О.М. в Грузию – в тифлисском журнале «Орион» (№ 6), который редактировали С. Рафалович и

С. Городецкий, было напечатано стихотворение О.М. «Золотистого меда струя из бутылки текла...». А уже после того, как О.М. из Грузии уехал, в батумских газетах перепечатывались и статьи О.М.: в газете «Искусство» за 20 июня 1921 года – статья «Слово и культура»⁹⁰, а в «Батумском часе» за 11 февраля 1922 года – «Письмо о русской поэзии»⁹¹.

---

⁸⁵ Мандельштам О. Стихотворения. Л., 1983. С. 311.

⁸⁶ См. о нем в кн.: Горгидзе М. Грузины в Петербурге. Тбилиси, 1976. С. 366.

⁸⁷ Впервые – в альманахе «Тринадцать поэтов» (1917), кроме того, в феодосийском альманахе «Ковчег» (1920) и в журнале «Москва» (1922, № 7); входило в сборники «Tristia» и «Стихотворения».

⁸⁸ Она умерла в Лондоне в возрасте 94 лет. Подробнее см.: Шарадзе Г. «Муза двадцатого века...» // Литературная Грузия. 1983. № 3. С. 168–173; Васильева Л. Саломея, или соломинка, не согнутая веком («Огонек». 1988. № 3. С. 22–26).

⁸⁹ «Дочь Андроника Комнена / Византийской славы дочь! / Помоги мне в эту ночь / Солнце выручить из плена, / Помоги мне пышность тлена / Стройной песнью превозмочь, / Дочь Андроника Комнена, / Византийской славы дочь!»

⁹⁰ Впервые: Дракон. Пг., 1921. Вып. 1. С. 73–78.

⁹¹ Впервые: Советский юг. Ростов-на-Дону. 1922. 21 янв.

2

Тут самое время перейти к обстоятельствам очного знакомства О.М. с Грузией. Обстоятельства же эти таковы.

В августе двадцатого года после пяти или семи суток плавания *«ветхая плоскодонная баржа, которая раньше плавала только по Азову»* и на которой находились братья Осип и Александр Мандельштамы, стала на батумском рейде⁹². Вечером с палубы город был похож на *«гигантское казино, горящее электрическими дугами, светящийся улей, где живет чужой и праздный народ, – писал О.М. в очерке «Возвращение». – Утром рассеялось наваждение казино и открылся берег удивительной нежности холмистых очертаний, словно японская прическа, чистенький и волнистый, с прозрачными деталями, карликовыми деревцами, которые купались в стеклянном воздухе и, оживленно жестикулируя, карабкались с перевала на перевал. Вот она, Грузия!..»*

Прием, однако, был не слишком гостеприимным: О.М. с братом Александром препроводили в тюрьму – с тем, чтобы отправить обратно во врангелевский Крым.

В том, что этого не произошло, возможно, сказалась и договоренность между РСФСР и Грузией о правилах взаимного въезда и выезда их граждан, ограничивавшего передвижение лиц, находившихся под следствием⁹³. Тем не менее существуют две версии спасения О.М. из батумской тюрьмы, а точнее – из карантина.⁹⁴

Первая – «голубороговская». В воспоминаниях Нины Табидзе «Память» этот эпизод выглядит так:

В первый год после нашей свадьбы мы поехали на лето в Батум. Соблазнил нас Нико Мицишвили, который там одно время работал в газете. Он и Тициану предложил с ним работать. Он же организовал в Батуме вечер Тициана, который прошел очень тепло и интересно. <...>

Раз, выходя с пляжа, я увидела Тициана, идущего с какими-то молодыми людьми. Я окликнула его, они остановились. Тициан объяснил мне, что в батумском карантине оказался приехавший из Крыма поэт Осип Мандельштам и надо как-то вызволить его оттуда.

Место, где люди находились в карантине по случаю возможной эпидемии чумы, было обнесено проволокой, туда никого не пускали. Тициана пропустили, а я ждала его на улице. Он вышел оттуда очень взволнованный. Оказывается, когда ему показали на Мандельштама, он сперва не поверил, что этот поэт, этот эстет, сидит на камне, обросший, грязный. Тициан некоторое время не верил, что это и есть Мандельштам, и даже стал задавать вопросы, на которые он один мог бы ответить. Например: «Какое ваше стихотворение было напечатано в таком-то году, в таком-то журнале». Тот назвал и даже прочитал свои стихи наизусть. Потом

---

⁹² Скорее всего, это произошло около 11 сентября (тифлисское «Слово» сообщило о прибытии Мандельштама в Батум и о его аресте в связи с недоразумениями с визой 12 сентября).

⁹³ Слово (Тифлис). 1920. 15 авг. Между прочим, это не помешало С.М. Кирову, бывшему тогда полномочным представителем РСФСР в Грузии, направить меньшевистскому правительству протест против продолжающихся арестов и высылки российских граждан из Батума в Крым. На этот протест чрезвычайный комиссар Батума и Батумской области В.С. Чхиквишвили ответил, что в начале августа, действительно, были арестованы около 30 человек, «представляющих собой неблагонадежный элемент и содержащихся не в тюрьме, а в карантине в Махинджаури» (Слово. 1920. 25 авг.). Кстати сказать, советским представителем в Батуме в конце августа 1920 г. был назначен Л.Н. Старк, а консулом Зверев (Слово. 1920. 27 авг.).

⁹⁴ В городе была зафиксирована вспышка чумы; городскую комиссию по борьбе с ней возглавлял профессор Широкогоров.

читал еще другие стихи. Тициан понял, что перед ним действительно Мандельштам...

*Мы уезжали из Батума, и Мандельштам поехал с нами в Тифлис...*⁹⁵

Более подробно описывает ту же историю Николоз Мицишвили:

В 1919 году⁹⁶ летом в Батум приехал из Крыма известный русский поэт Осип Мандельштам. Приехал он на маленьком пароходе в числе десяти каких-то сомнительных пассажиров. Все они были арестованы береговой охраной.

В те времена я и поэт Тициан Табидзе жили в Батуме. Как-то раз на улице настигает нас какой-то старичок-еврей, останавливает и говорит, что он старейшина местной еврейской общины, и спрашивает – известен ли нам поэт Мандельштам. Мы ответили, что – да, известен.

– Если так, – сказал старик, – поэты должны помочь поэту: Мандельштам арестован и сидит в Особом отряде.

Мы пошли в Особый отряд. Нам сказали, что среди арестованных на самом деле есть какой-то Мандельштам, но невозможно, чтоб этот был наш знакомый: такой уж непоэтичный на вид.

Самого Мандельштама нам не показали, однако, усомнившись в правильности подхода к поэзии со стороны Особого отряда, мы отправились к генерал-губернатору Батумской области Бениа Чхиквишвили.

– Посмотрим, кто это за человек, – ответил он и тотчас же распорядился по телефону доставить Мандельштама к нему.

Доставили.

Входит низкого роста, сухопарый еврей – лысый и без зубов, в грязной, измятой одежде и дырявых шлепанцах. Вид подлинно библейский.

Чхиквишвили взглянул на него и обратился к нам по-грузински:

– Я думал, в самом деле кто-нибудь, а это какое-то страшило, черт возьми. На него дунуть – улетит. Нашли тоже опасного человека.

Затем усадил его, дипломатически выяснил, что он действительно поэт Мандельштам, и вежливо извинился.

Мандельштам, как воробей, присел на край стула и начал рассказывать:

– От красных бежал в Крым. В Крыму меня арестовали белые, будто я большевик. Из Крыма пустился в Грузию, а здесь меня приняли за белого. Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я – белый, красный или какого еще цвета. А я вовсе никакого цвета. Я – поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс...

*Затем коснулся Крыма.*⁹⁷

Письмо Я.З. Черняка⁹⁸, редактора мицишвилиевской книги, к автору сохранило для нас реакцию О.М. на эти прижизненные мемуары о событиях десятилетней давности:

Забыл упомянуть, что на днях говорил случайно с поэтом Мандельштамом, который рвет и мечет по поводу строк, посвященных ему

---

⁹⁵ Табидзе Н. Память (глава из книги) / Дом под чинарами. Тбилиси, 1976. С. 41–42.

⁹⁶ Надо: 1920.

⁹⁷ Чит. по: Мицишвили Н. Пережитое. Тбилиси, 1963. С. 164–165.

⁹⁸ Черняк Яков Захарович (1898–1955) – поэт и издательский работник, исследователь жизни и творчества Н.П. Огарева. В 1922–1929 гг. – ответственный секретарь редакции журнала «Печать и революция», в 1929–1931 гг. Я.З. Черняк работал редактором отдела русской литературы в издательстве «Земля и фабрика».

в Вашей» книге. Особенно волновался Мандельштам из-за ваших «цветовых» характеристик («...а я не белый и не красный...») – и требовал, чтобы я их устранил из рукописи. Я ему, разумеется, указал, что редактор не вправе вносить такого рода изменения, что редактор обязан вмешаться лишь в тех случаях, когда мемуарист искажает исторически бесспорные даты и т. д. Моим резонам Мандельштам, к сожалению, не внял – так что ждите от него грозного послания, смертоносное действие которого может быть ослаблено разве только тысячекилометровым расстоянием, отделяющим Вас от пылкого и по-африкански темпераментного поэта.⁹⁹

Примерно в том же духе, что и грузинские поэты, описывает в своих мемуарах вызволение О.М. и Илья Эренбург.

Его, однако, считала необходимым поправить Н.М. Со слов мужа она рассказывала, что грузинские поэты, действительно, пришли в портовый карантин, где содержался Осип Эмилевич с братом Александром. Они предложили поручиться за О.М. и моментально освободить его, но за его брата поручаться не стали. На таких условиях О.М., разумеется, принять личную свободу не мог. Помог О.М., как он это сам описывает в очерках «Возвращение» и «Меньшевики в Грузии», солдат-конвоир Чагуа, сочувствовавший большевикам, хотя не исключено, что грузинские поэты, уезжая, предупредили об О.М. чрезвычайного комиссара Батума и области В.С. Чиквишвили, вмешательство которого окончательно решило вопрос о свободе братьев Мандельштам.

---

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 7122. Л. 209-209 об.

3

Пребывание О.М. в Грузии в 1920 году было недолгим, но всё же оставило след в литературной жизни Батума и Тифлиса. Газета «Эхо Батума» сообщила о вечере поэта 19 сентября в батумском «Обществе деятелей искусства» (ОДИ), а «Батумская жизнь» 18 сентября поместила отчет об этом вечере В. Зданевича¹⁰⁰.

Даже берлинский журнал сообщал в январе 1921 году о том, что О.М. *«жил в 1920 г. в Крыму и Коктебеле близ Феодосии. В настоящее время находится в Закавказье. Устраивал вместе с И. Эренбургом в Батуме и в Тифлисе вечера поэтов, на которых читал свои стихи»*¹⁰¹. Примерно в то же время в издававшемся на грузинском языке журнале «Гантиади» появилась заметка о том, что Н. Мицишвили организует в Париже грузинское издательство, к работе в котором он намерен привлечь и русских писателей – О.М., Эренбурга, Городецкого¹⁰².

Прибыв в Тифлис и повстречав там вскоре И. Эренбурга, О.М. ненадолго окунулся в гущу довольно-таки бурной – «столичной» – художественной жизни. Пестрота здесь нашла на пестроту: разнообразие эстетическое, политическое, национальное. Из русских писателей необходимо отметить старого знакомого О.М. – Сергея Городецкого, приехавшего в Тифлис еще в 1917 году. Он редактировал журнал «ARS» (издавался на средства Анны Антоновской, средств хватило на четыре номера) с обширной интернациональной программой, организовал при журнале «артистериум» и вел в нем самые различные курсы, устраивал выставки и т. д. Он же вел и русский сатирический журнал «Нарт», печатал свои стихи и фельетоны в газете «Кавказское слово» и выпустил поэтический сборник «Ангел Армении». Он же создал, по образцу петербургского, тифлисский Цех поэтов, из участников которого упомянем Олега Дегена, Нину Пояркову, Анну Антоновскую, Алексея Крученыха, Татьяну Вечорку (Толстую), Нину Лазареву и Сергея Рафаловича¹⁰³.

Сергей Рафалович – с помощью бакинского издательства «Книжный посредник» – в 1919–1920 годах редактировал журнал «Орион» (совместно с С. Городецким) и газету «Понедельник».

Однако уже в этот приезд О.М. в центре его внимания и общения оказались в первую очередь грузинские поэты – Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Валериан Гаприндашвили и другие. 26 сентября в Консерватории состоялся единственный, как было заявлено в газетных объявлениях, вечер О.М. и Ильи Эренбурга. Вечер открыл Григол Робакидзе, произнесший слово о новой русской поэзии. Затем Эренбург сделал доклад «Искусство и новая эра», после чего оба поэта читали свои старые и новые стихи, а под самый конец стихи обоих читал актер Н.Н. Ходотов¹⁰⁴.

¹⁰⁰ Вступительное слово произнес И. Зданевич (Тименчик, 2008. С. 511).

¹⁰¹ Русская книга. 1921. № 1. С. 25.

¹⁰² Сообщено М.Н. Мицишвили.

¹⁰³ Подробнее см.: Городецкий С. Искусство и литература в Закавказье в 1917–1920 гг. // Книга и революция. 1920. № 2. С. 12–13.

¹⁰⁴ 24 сентября 1920 г. объявления о вечере появились в тифлисских газетах «Грузия» и «Слово».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.